

МАРИЯ БУШУЕВА

СИБИРИАДА

ТОМСКИЙ
ТЕЛЕГРАФИСТ

Сибиряда

Мария Бушуева
Томский телеграфист

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Бушуева М. С.

Томский телеграфист / М. С. Бушуева — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-5424-0

В романе «Томский телеграфист» переплетаются история и современность. В основе сюжета – воспоминания членов Обской группы Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и архивные документы судебного дознания 1903—1905 годов. Кем были новониколаевские и томские подпольщики – героями, преступниками или жертвами? Роман не претендует на буквальное историческое соответствие: каждый художественный образ – собирательный. Тема родовой памяти, затронутая в романе, становится главной идеей повести «Обдорский след»: неизжитые негативные чувства предков способны передаваться из поколения в поколение, представляя в будущем опасность не только для потомков, но и для общества. В повести «Юлия и Щетинкин» скромный православный священнослужитель, потомок священника-миссионера, во времена красного террора не оставляет своего прихода, доказывая, что и в «маленьком человеке» может таиться необоримая сила духа и способность совершить настоящий поступок. Завершают книгу избранные рассказы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5424-0

© Бушуева М. С., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Томский телеграфист	7
Глава первая	7
Глава вторая роковая торговка	11
Глава третья	14
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	32
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	42
Глава двенадцатая	46
Глава тринадцатая	49
Глава четырнадцатая	52
Глава пятнадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Бушуева Томский телеграфист

Автор выражает благодарность Государственному архиву Томской области, а также красноярскому краеведу Руслану Кравченко за предоставленные документы и фотоматериалы.

Серия «Сибиряда»

© Бушуева М.С., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Томский телеграфист

Дни мрачных бурь, дни горьких искушений.
А.С. Пушкин

Глава первая Извозчик куликов

Секретно

*Начальникъ Томскаго Губернскаго жандармскаго управленія
Октября 16 дня 1903 года*

Прокурору Томскаго окружнаго суда

Приставъ IX участка гор. Томска при отношеніи от 17 Октября за № 289 уже перепроводилъ мне 2 протокола от 14 и 15 октября, из коих видно, что легковымъ извозчикомъ г. Томска Ишимскаго уезда Боровской волости Трофимомъ Леонтьевымъ Куликовымъ за неуплату и за нерозыскомъ адреса о мѣсте квартированія Титулярнаго Совѣтника Алексѣя Александрова Діева, возимаго имъ в пьяном видѣ, Діев доставленъ в близлежащій полицейскій участокъ, при обыскѣ Діева в упомянутомъ участке в стюртукѣ бокового кармана между прочими бумагами найдены одна не цензурная брошюра и две печатныя прокламаціи возмутительнаго (зачеркнуто) противоправительственнаго содержания.

Сообщая о семъ Вашему Высочородію имѣю честь пресокупить, что мною сего числа приступлено по сему делу къ формальному дознанию в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. по обвиненію Діева в преступленіи, предусмотренномъ 252 ст. Ул. При этомъ прошу уведомленія Вашего, кто изъ чиновъ прокурорскаго надзора будетъ назначенъ для наблюденія над производствомъ этаго дознания.

*Верно: Начальникъ Управленія
Полковникъ Ромашовъ¹*

* * *

Срочное

Секретно

*Начальникъ Томскаго Губернскаго жандармскаго управленія.
Октября 16 дня 1903 года.
Томскому полицмейстеру*

Прошу распоряженія Вашего Высочоблагородія о прибытіи во вверенное мне Управленіе к 11 часамъ утра 19 октября помощника пристава IV участка г. Томска Бокатова и извозчика Трофима Леонтьева Куликова.

Полковникъ Ромашов.

---

¹ Далее – современная орфография.

* * *

Алексей Александрович Диев был до муки, до отчаяния потрясён. Протрезвевший, еле волоча ноги из полицейского участка – его отпустили за подписку о невыезде – брёл, шурша палой листвой и вспоминая слова тётки Стефаниды, думал горько, что его, сорокалетнего одиночку-холостяка, бес попутал жениться на красивой восемнадцатилетней Шурочке. Или поздняя любовь – демоново наваждение. Шурочка родила Диеву играючи троих детей подряд и заставила его бросить скучную, не сильно денежную должность мелкого чиновника – уйти в железнодорожные служащие, где платили много больше. Железная дорога кормила город, и работавших на станции ценили. А Диев, возможно, и повыше бы поднялся по служебной лестнице Табеля о рангах – вскарабкался бы за счёт своего трудолюбия и кроткого характера. Правда, был тревожен и робок, оттого порой выпивал, зато начальству не перечил и отличался постоянной исполнительностью – таких, если не сильно ценят, зато, иногда о них вспомнив, продвигают на ступеньку выше в противовес опасным карьеристам-конкурентам. Он и внешне характеру своему соответствовал: небольшого роста, худенький, слегка подпрыгивающий при ходьбе – это, если сильно торопился, тогда и серенькие прядки редковатых волос тоже подпрыгивали на его голове. Острозычная Шурочка называла его шутя отцом-воробышкой. Надо сказать, она любила почитать нелегальщину. Всё запрещённое почему-то ещё с детства будоражило её кровь. В церкви её всегда так и подмывало сделать что-нибудь неправильное, к примеру, вместо исповеди батюшке признаться ему в любви или картинно снять у иконы крестик, напугав стоящих рядом молящихся. О своих шаловливых мыслишках она, смеясь, рассказывала мужу. Он слушал, не одобрял, конечно, но и не возражал. Шурочке возразить – день терпеть от неё обиды и насмешки.

Собственно говоря, никакого отношения к нелегальной брошюре и прокламациям, найденным полицией в его сюртуке, сам Диев, отставной титулярный советник, человек законопослушного, тихого нрава, не имел. Это младший брат его Шурочки, шалопутный Мишка, выгнанный из пятого класса реального училища и снискавший у гимназисток славу местного героя-хулигана, притащил и спрятал компромат в комнате сестры, такой же заводной и огнистой, что и брат, а после попросил Диева отвести пакет какому-то неизвестному господину Лебедеву. Для смелости Алексей Александрович выпил, тут-то его и словил на площади извозчик Трофим. Извозом его Диев пользовался часто да вот задолжал, а бородач оказался мстительным крохобором – из-за долга, пустячного, в общем-то, не к неизвестному Лебедеву повёз Диева, а прямёхонько в полицейский участок. В пути, как назло, выпала из кармана Алексея Александровича одна из запрещённых прокламаций, о чем зловерный извозчик торжествуя доложил в участке. Слава богу, от страха и выпитого язык у Диева заплетался – и адреса Лебедева он бородатому доносчику сообщить не успел. И на вопрос, заданный в участке, куда направлялся, ответил «прокатиться для души хотел», губы прыгали, оттого звуки наскакивали друг на дружку – вряд ли слова ответа можно было разобрать. Но, хоть и пьяноват был и от страха трясся, Мишку-хулигана не выдал. Сестру его, свою любимую Шурочку, и детей пожалел: трое малых за её юбку держатся – от пяти до года. Да и Мишка-недоросль еще взрослого ума не набрался, для него все опасности пока – игра, не в тюрьму же его адресовать...

«Ох, беда, беда, – узнав о помолвке Диева, сокрушалась Стефанида Акинфиевна, жена его родного дяди Антония, известного в Томске протоиерея. – Это ж не девка – чёрт в юбке, едва ходить научилась, помню, уже скатерть со стола в гостиной сорвала озорница, да не просто сорвала, а ножонками своими ещё потоптала, прям по моей вышивке, сама-то она и сейчас ни шить, ни вышивать, только дай ей гитару – день напролёт будет, как цыганка, петь да развлекаться».

Родно, и свою, и по супруге, вытащил из Пензенской губернии в Томск отец Антоний. И, на удивление, прижились. Сибирь всех вобрала и, несмотря на морозные зимы, пригрела. Зимой деревянная резьба томских домов обрастала снежным покровом, а, когда звонили колокола, снежные хлопья слетали с козырьков соседних крыш. Все эта белоснежная узорная и летучая красота трогала тайные струны души Диева: титулярный советник был равнодушен к поэзии, сам в юности вписал пару романтических стишков в альбом одной пензенской девице, голубоглазой блондинке. Та первая любовь, будто слившись с томскими зимами, давно утратила цвет юности, затонула в сибирской белоснежной дымке, на фоне которой Шурочка, яркая брюнетка, казалась экзотичным цветком.

Мать Шурочки была двоюродной сестрой Стефаниды Акинфиевны. В доме у своего дяди Диев с будущей супругой и познакомился, в кровном родстве они не состояли, оттого препятствий к женитьбе не было. Поговаривали в их разночинных кругах, что Наследник мог страдать гемофилией как раз из-за того, что в царском роду были браки братьев и сестёр...

* * *

Секретно

Начальник Томского Губернского жандармского управления

Октября 16 дня 1903 года

В Службу Движения Сибирской железной дороги.

По встретившейся надобности имею честь просить распоряжения о высылке во вверенное мне Управление всех личных документов служащего в конторе заведующего Кондукторскими бригадами Алексея Александрова Диева.

Верно: Начальник Управления

Полковник Ромашов.

* * *

Вечером примчался Мишка. Черноволосый, как сестра, тоже острый на язык и говорливый, лицом он походил на неё мало: ярко-зелёные глаза Шурочки у младшего брата сохранили округлую форму, но, потеряв зелень, приобрели столь блёклый голубой цвет, что порой казались белыми. В центре белизны, точно дыра дула револьвера, чернел зрачок. Тревожному Диеву иногда мерещилось, что через Мишкины зрачки веет потусторонним холодом. Приятная округлость Шурочки сменилась у брата юной худобой, немного тяжелили гибкий торс только ноги. Ни певческими, ни музыкальными дарованиями Мишка не обладал, а вот плясать был горазд – подрабатывал второй год в кордебалете театра, построенного по заказу купца первой гильдии Евграфа Королёва, – оттого, наверное, мышцы Мишкиных икр окрепли. Правда, в театре, который так и звали – королёвским, музыкальных спектаклей было не так много, платили массовке гроши, а содержать шалопутного Мишку было некому: мать ушла в мир иной вслед за отцом одиннадцать лет назад, – подкармливала и помогала растить Мишку младшая сестра Стефаниды, живущая в своём доме на Садовой улице, некрасивая и очень добрая Олимпиада Акинфиевна, которую Мишка прозвал тёткой Лебёдкой. Она и упростила дядю Антония пристроить способного паренька работать на телеграф, поскольку читал и писал он бойко, разбирался в технике и покорила протоиерея тем, что легко исправил его телефонный аппарат. В Томске уже действовала телефонная линия – и протоиерею Антонию, правда, не как духовному, а как частному лицу телефон провели. Стояли аппараты в городской управе, в университете, в библиотеках. Сеть обслуживала почти 500 абонентов, в том числе Алексея Ивановича Макушина, бывшего городской головой. Делал Макушин много полезного: заработал городской водопровод, стали активно мостить улицы, появились новые больницы и начальные

школы... А городская интеллигенция уважала его старшего брата, в 1873 году открывшего на любимой горожанами набережной реки Ушайки первый в Сибири книжный магазин. За два десятилетия продал, как в городах Сибири, так и в сельских книжных лавках, несколько миллионов книг, затем учредил он в Томской губернии Общество содействия устройству бесплатных библиотек. Как раз у него в типографии и книжном магазине появились первые телефонные аппараты.

А вот епископа Макария, от личного телефона отказавшегося, демократически настроенная интеллигенция не жаловала, несмотря на его огромную заботу о народном образовании. Даже то, что епископ создал в Томске детские ясли, куда тут же определила старшего мальчика Шурочка, не прибавило ему лестных отзывов со стороны «прогрессивных сил». Сильно раздражал основанный епископом Дом трудолюбия при Иоанно-Предтеченском женском монастыре со своей типографией. Духовная литература всё чаще подвергалась даже в местной либеральной печати атеистической критике. Диев с детства верил в Бога и считал старшего епископа почти святым, однако, опасавшийся насмешек Шурочки, выказывал такие консервативные, с её точки зрения, мысли только в доме дяди-протоиерея. Тот кивал и сетовал на утрату в обществе веры...

Мишка прибавил себе год – и уже третий месяц работал на телеграфе, следил за технической исправностью линии, причем использовал место службы и для помощи местной РСДРП – распространения прокламаций и запрещённой литературы, – совсем не беспокоясь о том, как бы отразилась его активность, попадись он полиции, на репутации уважаемого в городе протоиерея. До нелепого случая с извозчиком всё у Мишки получалось ловко. Он обладал одной чертой, удивлявшей Диева: стоило им вместе выйти из дома, Мишка мгновенно растворялся на улице, точно Мишки рядом с Диевым и не было. «Ну, чисто, как наш кот, – говорил Диев Шурочке, – оглянулся, а твоего брата и след простыл». Слова мужа Шурочка передала брату, и тот без лишних раздумий придумал себе псевдоним – Котов.

Поражали Диева и другие особенности Мишки: его обострённое чутьё и буквально телеграфная способность быстро выуживать любую информацию. Вот и сейчас, примчавшись в семейный дом сестры, он осуждающе сказал не оправившемуся от потрясения Диеву: «Напились и всё завалили».

– Уже слухи идут по городу? – испугался Диев. – Извозчик болтает?

– Извозчик – дурак и мерзавец, но узнал я от Лебедева: у него внедрён к жандармам свой человек. Хоть меня не сдали, и на том спасибо.

– А что меня ждёт?

– Что-то, – сказал Мишка сердито. – Ничего хорошего.

Видно было, что он осуждает за провал Диева и совершенно не винит себя.

Глава вторая роковая торговка

Июнь 1905 года. Ново-Николаевск

Давно замечено, проверено и доказано: лучшие связные, самые незаметные и непотопляемые – обычно женщины или старушки, торгующие на улицах кто пирожками, кто вязаными детским шапочками и носочками.

Один прохожий остановится, приценится и что-то купит: всё вроде подешевле, чем в лавке, другой купит из жалости – стоят бедные на ветру и на холоде, не зная отдыха, пока весь товар не распродадут. А равнодушный пешеход – пробежит, на них не оглянется. Порой пройдет мимо стражник порядка, женщина ему улыбнется, и он, невольно подумав о ждущей его дома супруге и тарелке наваристого борща, потеплеет душой. А на старушку глянет – мать свою вспомнит, в глубине его безыскусных мыслей тень детства мелькнет: кружка молока, вкусные булочки с изюмом... Как напомнившую о сокровенном и родном заподозрить в чём-то предосудительном?

Так никто и не догадывался, что черноволосая женщина приятной наружности, полная, уютная и улыбчивая, торгующая на привокзальном перроне станции Обь собственными пирожками и жареной курятиной, – связная сибирского кружка РСДРП, передающая нелегальную литературу. Для этого на площади около вокзальной церкви поставили палатку, в которой один из подпольщиков, имевший прозвище Купец, продавал хлеб и квас: под ящиком с хлебом прятался от полиции вкопанный в землю ящик с прокламациями и запрещёнными брошюрами. Секретный ящик заполнял сам Купец: литературу и прокламации брал у немолодого, усталого вида фельдшера станции Обь. Откуда поступала литература фельдшеру, продавец кваса не знал. И даже предположения у него не возникало, что кроме невидимых им поставщиков незаметно передает нелегальщину медику ещё и улыбчивая торговка пирожками, сама иногда в жару покупающая квас. В Новониколаевском кружке РСДРП, назвавшемся Обской группой, состояло больше ста человек, разбитых на «восьмёрки – десятки», пересекающиеся только благодаря связным. Двое связных были знакомы, а третьего могли уже и не знать. Такая конспирация предохраняла при арестах, которые случались.

В Новониколаевск привокзальная торговка переехала из Томска два месяца назад. На имевшиеся небольшие средства то ли сняла, то ли выкупила квартиру в старом двухэтажном доме купеческого типа: низ каменный – верх деревянный. Больше денег ей ждать было неоткуда, а кушать просили две девочки и мальчик, муж у торговки отсутствовал – вот и пришлось крутиться, придумывая, как прокормиться самой и прокормить малышкой.

Была в её полноватой фигуре и какой-то неожиданной улыбке необъяснимая женская притягательность, заставляющая суровых молодых мужчин, зайдя по рекомендации проверенного партийца в дом на Переселенческой улице, желать остаться в нём хотя бы в качестве жильцов. Затягивала, конечно, не темноватая квартира, полная скрипучей мебели, а загадочный взгляд молодой хозяйки, манила и высокая грудь. В некоторых «десятках» никто хозяйку, сдающую углы, ни разу не видел, но слух о её женской силе прошёл и там, за глаза её сразу прозвали «роковой торговкой». Поговаривали, что из-за страсти к ней погиб то ли офицер, то ли чиновник.

День был жаркий, душный, потому охлажденный в бочке со льдом квас раскупили быстро, а вот пирожки в кастрюльке, обернутой белым полотенцем для сохранения тепла, оставались: горячего в жару не сильно хочется. Молодой мужчина в тёмных брюках и косоворотке под несколько помятым пиджаком, покупая пирожки, шепнул:

– Есть подозрение, что один из наших – провокатор. Кто – непонятно. Присмотрись к своим.

– Всего один пирожок у меня остался, – громко заговорила женщина, – да уж купили бы все, не пожалееете, вкусные да сочные!

– Хорошо, давайте!

Расплатившись, покупатель быстрым шагом удалился.

В доме на Переселенческой улице вторую неделю квартировали трое: Саша, Тимофей и Лев. Настоящих фамилий жильцов хозяйка не знала, не была она уверена и в том, что имена их подлинные. Каждый из троих мог оказаться не тем, кем представился, даже по роду занятий. Ради конспирации у всех членов группы были прозвища или псевдонимы. Высокий кудрявый брюнет Саша звался Тигрояном, в его скрытном характере и горбоносом лице с припущенными тёмными веками над желтизной глаз и правда было что-то тигриное. Но хозяйка сообразила: партийная кличка обусловлена не сходством, а его родным местами – Саша проговорился: родом он с Дальнего Востока. И как-то угадывалось, что тюремная жизнь Тигрояну неплохо знакома. В тройке главенствовал Тимофей, коренастый, мускулистый, решительный, по профессии помощник машиниста, он имел псевдоним – Гранитов. Тимофей был неравнодушен к хозяйке, но старался всеми силами это скрыть. Наоборот, Лев Бартов, числившийся студентом Томского политехнического института, самый общительный из троих, сразу начал ухаживать за ней явно, порой столкнувшись с ней на лестнице, ведущей на второй этаж в жилые комнаты, легкомысленно распускал руки – и тут же получал несердитый, но твёрдый отпор. Он был моложе Саши и Тимофея, однако, ещё в конце девяностых стал членом томского марксистского кружка, а с 1901 года примкнул к «сортировщикам» – так шифровали социал-демократов в разговорах и письмах. Успел он с полгода поработать в газете, выпускал в нелегальной томской типографии листовки, потому, отправленный как организатор в Новониколаевск, был, по приказу Томского руководства РСДРП, устроен как имеющий печатный опыт наборщиком в типографию Литвинова, откуда раз за разом приносил металлические буквы. Цель была – как можно скорее собрать весь шрифт и организовать типографию Обской группы. Прозвище Льва хозяйка не знала, потому считала имя фальшивым.

Кто же из троих мог оказаться провокатором?

Тигроян входил в десятку «дружинников», обязанных охранять массовки, то есть собрания членов группы, от полицейских и тайных шпиков. Недавно Обская группа провела первую десятидневную забастовку строительных рабочих, приняли участие в ней и рабочие самой большой в Новониколаевске мельницы Луканина, а также некоторые печатники, хорошо обработанные Львом. Бастующие требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Саша и Тимофей радовались, что кое-чего рабочим удалось добиться, а Лев подчеркивал важность забастовки для серьёзного отношения пролетариата к будущей революции и к их партийной организации.

Когда приезжал дня на два из Томска еще один подпольщик, имевший партийный псевдоним Котов, быстро всеми сокращённый до Кота, в доме почему-то становилось веселее. Все четверо, отдыхая воскресным вечером, читали вслух стихи. Любили декламировать Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Чуть прихрамывающий Кот, расхаживая по комнате, цитировал наизусть роман Войнич – и хозяйке казалось, что хромота его притворная: похоже, он сам для себя играет романтическую роль Овода.

Если дети не спали, они крутились рядом со взрослыми, и старший мальчик Серёжа, красивый, с точёными чертами умного личика – просил прочитать ему сказку Пушкина «Руслан и Людмила». Когда горбун Черномор через леса, через моря уносил богатыря, Серёжа восторженно заливался смехом, а девочки, трёхлетняя и четырёхлетняя, подбегали к брату и начинали молотить его маленькими кулачками. То ли им жалко было богатыря, то ли почему-то не нравилось, что братик смеётся.

Уложив детей, хозяйка старого дома ложилась сама и, едва стихало позвякивание пружин кровати, начинала, прикрыв усталые глаза, мысленно повторять не строки стихов, а слова

очередной листовки. Повторяла с затаённой надеждой на то, что призыв станет утренней явью: *«Только полная ликвидация настоящего государственного порядка путём созыва всенародного Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права создадут благоприятную почву для развития всех прогрессивных сил страны и классовой борьбы пролетариата за свои социалистические идеалы!»* Острая память хранила все прочитанные воззвания.

Но предположить такую крамолу в её мыслях не мог бы даже привокзальный жандарм, выдавший худых бледнолицых дам-революционерок, на коих привлекательная пышнотелая торговка совсем не походила. По отцовской линии вела она родословную от прадеда-ссылного, попавшего в Сибирь в качестве политкаторжанина; после жил он в Каинске на поселении, там и умер. Прадед был родом из Тифлиса, бедняк, утверждавший, что происходит из когда-то знатного рода, и аристократическая печать его избранности, вполне возможно, придуманная им самим, создала образ красивой жертвы, возложенной на алтарь свободы. Потому правнучка считала царизм своим кровным врагом, охотно помогая расшатывать монархические основы.

...Торговка спешила домой к ждущим обед малым детям, бежала не улицей, а по немощёному переулку, сокращая путь, и тревожно размышляла, есть ли среди её жильцов предатель?

Собственно, самой ей опасаться не стоило. О том, что передаёт она запрещённую литературу и прокламации, три жильца не знали, считая её одинокой женщиной, сдающей комнаты ради дохода. Они платили за стол – готовила она щедро и вкусно – и за крышу над головой. В курсе её помощи группе были только двое: сегодняшний покупатель Лебедев, недавно побывавший в томской тюрьме, и черноволосый быстрый семнадцатилетний Кот, казавший старше за счёт солидного костюма-тройки и начитанности: он проштудировал все доступные марксистские источники. Кот, курсируя между Томском и Новониколаевском, поставлял Обской группе прокламации и литературу.

Подходя к дому, она вспомнила: как раз сегодня он должен приехать. Цели его приезда, конечно, ей не раскрыли: готовилась рискованная экспроприация склада полицейского управления.

Глава третья Возбуждение дознания

Секретно

Начальник Томского Губернского жандармского управления

Октября 16 дня 1903 года

Приставу IV участка

Препровождаю при сем копию с постановления моего от сего числа об отдаче под особый надзор полиции содержащегося во вверенном вам участке Алексея Александрова Диева, прошу Ваше Высокоблагородие подписать прилагаемое постановление, которое возвратить мне обратно.

Верно: Начальник Управления

Полковник Ромашов.

* * *

Уроженец Алтая, сын горного инженера Лебедев Пётр Исаевич был всего на два года старше Мишки – и закончил то же Томское ремесленное училище, откуда на пятом году обучения вылетел его приятель. На вопрос, что подтолкнуло благополучного молодого человека к вступлению в группу РСДРП: жажда романтического подвига во имя народа или запавшая в память занозой обида за деда – унтер-офицера, за какую-то ерундовую провинность отданного под суд Алтайским начальством, – Мишка не знал. Решил просто: активная натура Лебедева мается от скуки. Действия жаждет. Мишка ведь и сам такой. Вот с Остриковым, приехавшим в Томск, чтобы поступить в Технологический институт, всё было понятно: сирота, выросший в приюте, обиженный судьбой с рождения и перенёсший обиду с отца, бросившего его младенцем, на Отечество. То, что учили сироту и кормили бесплатно за счет того же Отчества, в расчёт не шло: человеческое сознание – порой, как тёмный омут: доброе и благодарное тонет в нём бесследно. Став членом томской подпольной группы, Остриков резко сменил направление судьбы: вместо технологического института решил выбиваться в партийные лидеры. Мишка ему нравился – задание передать Лебедеву запрещённую брошюру и прокламации как раз и шло от Острикова. Мишку он даже не пожурил, обронил лишь пару слов: «всё бывает». А напившийся Диев вызвал у него негодование.

– Прогнившее чиновничье! Жалкий гнус, Акакий Акакиевич, гнуший спину перед начальством!

– И что теперь? – спросил Мишка, несколько обиженный за мужа сестры: ведь Диев не выдал его, а Остриков даже это достоинством не считал.

– Мы с Лебедевым временно уйдём под воду: уедем из Томска. Для связи запомни: я отныне всегда и везде Гай или Гаев.

– Это в честь римского императора Гая Юлия Цезаря?

Остриков улыбнулся.

– Наверное.

– А чего сразу не Цезарь?

– Слишком бьет на слух. Шпики быстро могут вычислить.

– А Лебедев?

– Он пока не решил, раздумывает, вроде хотел назваться Правдиным, характер у него, сам видишь, какой: за дело – жизнь отдаст.

Мишка кивнул. Но мыслишка у него мелькнула совсем не героическая: жизнь, пожалуй, дороже. Уехали Гаев с Лебедевым в ту же ночь.

В дом сестры Мишка забежал на минутку: опасно было там крутиться. Увидел Диева, спящего на диване в гостиной, спросил Шурочку:

– Опять не трезв?

– Запьюсь тут, – ответила она без улыбки и прибавила, насупив брови: – Ты бы к нам пока не ходил. Не дай-то бог тебя вычислят, тогда всех...

– Пережду у тётки Лебёдки.

– Алексаша, святая душа, себя винит, а ведь всё из-за тебя, разбойника.

Мишка убежал, растворился в томских сумерках. А Шурочка, поругав приходящую кухарку за медленное приготовление ужина, взяла гитару и, перебирая струны, перебирала и свои грустные мысли. Если уволят мужа, от кухарки придётся отказаться, нечем станет платить и за четырёхкомнатную съёмную квартиру, владелица по своей скупости навстречу семье Диевых не пойдёт, в долг жить не разрешит, а ведь как славно обжились, уже пятый год пошёл, как въехали, дети здесь родились...

Диев проснулся и не сразу понял, где он: в своём семейном доме или в отцовом, давнем, потому что снился ему дом его детства, да так отчётлив был сон, точно и правда душа Диева отделилась от тела и навестила родные места. Он часто и в яви вспоминал светлые комнаты, мебель с цветочной обивкой, кое-где потемневшую от времени, отчего лёгкий салатный цвет казался покрытым пятнами темно-зелёной плесени, помнил небольшой старый сад, с особенной жалостью сердца – одну старую яблоню, мальчиком он про себя звал её Яблшкой, яблоки с этого дерева были сладкими, а с остальных – кисловатыми, помнил милую няню, вечно охающую старушку, заменившую ему рано умершую мать. Няня умерла, а яблоня засохла, когда Диев уехал в Томск, он до сих пор верил, что старушка и яблоня ушли в мир иной от тоски: няня любила его, а яблоня всегда откликалась нежным шёпотом листвы, когда он гладил её ствол... Сон закончился резко: покойный отец, сидящий в кресле, обнял Диева и произнёс голосом полковника Ромашова:

– Дознание возбуждено.

* * *

Секретно. Лит А

Уведомление о возбуждении дознания

1. Наименование дознания. По обвинению отставного Титулярного Советника Алексея Александрова Диева в преступлении, предусмотренном 252 ст. Ул. о нак.

2. Время возбуждения дознания. 16 октября 1903 года.

3. Место возбуждения и производства. Гор. Томск.

4. Кто производит дознание и кто наблюдающее за производством дознания лицо Прокурорского надзора. Отдельного корпуса жандармов полковник Ромашов и Товарищ Прокурора Томского Окрусного суда Чебанов.

5. Основания возбуждения дознания. Переписка, возбуждённая Приставом IV участка гор. Тоска и найденная при обыске у Диева брошюра под названием «Неужели это так надо?» Л.Н. Толстого и две печатные прокламации возмутительного (зачёркнуто) противоправительственного содержания.

Верно: Начальник Томского губернского

Жандармского Управления

Полковник Ромашов.

№ 4162

21 октября 1903 года.
В Департамент Полиции.

* * *

Диев от ужина отказался. Тревога, возникшая после пробуждения, точно воронка, затягивала его. На поверхности сознания пульсировали какие-то алые точки, то расширяясь и превращаясь в красные кольца, то снова становясь крошечными алыми зрочками. «Пойду, поброжу», – пробормотал он и, поспешно накинув пальто, вышел в город. С утра подморозило, опавшая листва сразу утратила весёлую разноцветность и уныло чернела под ногами, угнетая душу ещё сильнее. Диев дошёл до галантерейного магазина Гадалова, хотел зайти, но вспомнил, что оставил дома портмоне, да и зачем, Шурочка сама себе всё покупает, не доверяя мужнине вкусу, а Диеву, в сущности, ничего не надо. Он грустно глянул на трехэтажное здание служб пути и тяги Сибирской железной дороги, и ему показалось, что внезапно прозвучавший гудок паровоза – прощальный.

– Поста-а-а-ранись! – услышал он знакомый голос и вздрогнул: мимо пронеслась рыжеватая лошадь извозчика Трофима, вёзшего Мишку. Промчав мимо Диева, кобыла резко встала, извозчик высадил Шурочкиного брата – и тот через минуту добежал до Диева.

– Вы должны сказать при дознании, что пакет нашли в экипаже, мол, кто-то выронил, извозчик Трофим Леонтьевич не заметил, а вы по рассеянности положили в карман сюртука. Дознание ведёт лично полковник Ромашов. – Мишка усмехнулся. – Большая честь для вас, однако.

– Однако, – повторил Диев.

– Трофим на вас зол до сих пор. Вы ему не отдали долг.

– Отдам.

– Тётка Лебедка уже попросили помочь Стефаниду Акинфиевну. Вашего дядюшки-проतोирера старший сын теперь кандидат богословия, редактирует статьи епископа Макария. Вхож к нему, и тот ему покровительствует. А Макария уважает сам губернатор.

Мишка говорил и крутил головой: не следят ли.

– С вами теперь и стоять-то опасно.

– Так и не стой.

Диев почему-то глядел не на Мишку, а на его тень. Тень точно стремилась исчезнуть, уменьшаясь прямо на глазах, казалось, она норовит отделиться от Мишки и сбежать первой. Но такого ведь быть не может, подумал Диев, это противоречит законам природы. И тут же настигло его чувство нереальности происходящего: разве могли его, честного железнодорожного служащего, обер-офицерского сына, внука священнослужителя и пусть бедной, но потомственной дворянки, подвергать обыску, как... как покрытого лишаями бродягу или уличное отребье?

– Пойду-ка поскорее домой, – произнёс он, отрываясь от созерцания мостовой. Тени уже не было. Не было рядом и Мишки. Как всегда, он ловко растворился в городском пейзаже.

Шурочка встретила Диева громкими рыданиями.

– Что, что случилось? – стягивая чёрное пальто, пробормотал он. От волнения похолодевшая ладонь застряла в рукаве, и пальто вело борьбу, словно желая остаться на Диеве навечно. – Дети не заболели?

– Дети спят, а вот я в ужасе.

Пальто наконец проиграло битву – и, водворённое на вешалку, приняло униженную обвислую форму, посерело, почему-то напомнив Диеву старую отцовскую шинель. Приглядев-шись к жене, он увидел: Шурочка пьяна.

– Что будет, если тебя уволят?! Мы по миру пойдём! Какой начальник пожелает держать неблагонадёжного?

– Ты права, – сказал Диев, покорно склонив голову. – Никакой.

* * *

Управление Сибирской железной дороги

Служба движения

23 октября 1903 года

г. Томск

Господину Начальнику Томского

Губернского Жандармского Управления

Препровождаю при этом вследствие отношения от 19 сего октября за № 1185 письменный вид Отставного титулярного советника Алексея Александрова Диева, прикомандированного для занятий в столе заведующего кондукторскими бригадами, – имею честь доложить, что других документов о личности своей Диев не предъявлял в Службу движения.

О получении письменного вида покорнейше прошу почтить уведомлением.

Начальник Сл. движения Левшин.

Глава четвёртая Склад

Июнь 1905 года. Ново-Николаевск

Лебедев был категорически против эксов, так сокращённо называли в группе РСДРП экспроприации. Совесть от рождения, он с брезгливостью относился к любым методам, оскорбляющим чистое дело подготовки к великой революции. Неприятно ему было и то, что в консервативной «Сибирской правде» подпольщиков прямо именовали криминальным элементом, упоминая почти что в поощрительном тоне, как недавно на Белом озере кузнецы стали избивать агитаторов, призывающих к всеобщей забастовке, а некоторые томские торговцы в ответ на угрозы разбить магазины и отнять товары, если не будет закрыта на день торговля, сами вызвали жандармов. Одного студента кузнецы, не желающие терять заработка ради стачки, избили так сильно, что он с трудом пришёл в себя, а на члена РСДРП присяжного поверенного Преловского, пытавшегося склонить к забастовке приказчиков, по их доносу завели в Жандармском Управлении дело о «преступной агитации». Лебедев ощущал оскорблённым газетными писаками лично себя. А ставший недавно комитетчиком Гаев считал такую «работу в массах» всё равно нужной и охотно отредактировал очередную листовку: «Все как один бросайте работу, смело высыпайте на улицу. Вооружайтесь! Царская полиция должна побежать перед вами». В Томске на Болоте – Болотом звали издавна несколько соседних городских околотков – активно работала подпольная типография. Правда, к экспроприациям Гаев тоже относился с осторожностью, считая, что они возможны только при крайней необходимости. Такая необходимость назрела в июне 1905 года.

– Дружинникам Обской группы нужно вооружиться, – сказал он Лебедеву, – они уже вернулись в Томск.

– Представляю, какой шум поднимется, если всё пройдёт успешно. Городишко маленький: одна кустарщина... После Барнаула, куда приезжают на службу горные чиновники из Санкт-Петербурга, да и после университетского Томска, Новониколаевск мне кажется невзрачным. Почему именно здесь прошла железная дорога, откровенно говоря, не понимаю.

– Говорят, кто-то из правительства назвал Новониколаевск будущим российского могущества.

– По Ломоносову, наверное... Он нечто подобное изрекал. – Лебедев хмуро глянул куда-то вдаль. – А величественный мост через Обь проектировал инженер-писатель – похоже, в его фантазию тоже поверили.

– Настоящие писатели – провидцы. Лермонтов предсказывал, что царская корона упадёт.

– Всё идёт к тому.

– Но шум-то в городишке вряд ли будет. Затонут слухи.

– Участники намечены?

– Группа активистов. Руководит Гранитов.

– А кто разработал план?

– Всем комитетом решали.

– Обской группе нужны хорошие агитаторы.

– Планируем в ближайшее время внедрить в самую гущу пролетариата станции Обь Михаила Кота для агитации среди железнодорожных рабочих. Хороший парень, толковый, быстрый. В технике понимает. И удачливый. Он зажигательно говорит и жертвует своей томской должностью телеграфиста ради общего дела. Партии нужно, чтобы агитация шла изнутри. Рабочие с подозрением относятся к призывам со стороны. Михаил, возможно, будет участвовать в операции со складом, намеченной на следующий воскресный день.

– Он-то, возможно, и хороший, да вот группу активистов-анархистов я бы разогнал – позорят наше дело. Понимаю, что не было денег на покупку литературы, но ведь всегда есть возможность заработать трудом, а не нападать на монополю.

– И что – удачно?

– Триста рублей и несколько бутылок вина. На литературу и на веселье хватило. Только дурно это.

– Шпики не пронюхали?

– Вроде нет. Хотя томский Ромашов, конечно, прекрасно понимает, чьих это рук дело.

– Со складом-то посерьёзнее...

Полковник Ромашов, высокий мужчина с живописной сединой на висках, женатый на сестре чиновника Силина, конечно, всё понимал. У Силина в роду насчитывалось несколько поколений духовных, но сам он, к нескрываемому неудовольствию Ромашова, был активным либералом и областником, во всём помогая старику Потанину, выступающему в течение многих лет против колониальных ограничений Сибири. Понимать-то понимал, однако никак не ожидал такой наглости от подпольщиков – напасть на склад полиции Новониколаевска.

– Вот до чего доводит ваша либеральщина, – сказал он Силину за ужином: шурин нередко гостевал в семейном доме сестры Елизаветы. – Пока всё болтовней обходилось, но поскольку теперь бунтовщики оружие воруют, чует моё сердце ждать нужно самого худшего. Вызывающе нахальное преступление – украли прямо со склада полиции.

– Какой ужас, – промолвила Елизавета Павловна. Она, как говорится, была под стать супругу: тоже высокая и видная, правда, на десяток лет его моложе, без искр седины в волосах. У них росла девочка Соня, гимназистка 3-го класса, сейчас корпевшая в своей детской за уроками.

– А что охрана? – Силин сморщил тонкий нос, ему не понравился запах красной рыбы, поданной горничной. Зелёные листки салата, короткие стрелки лука и кружево укропа заманчиво обрамляли красные язычки, в середине которых желтел ровным ободком кружок лимона. Однако неприятный запах от привлекательности блюда отпугивал.

– Охрана или проспала...

– Рыба, Андрей Петрович, с душком.

– Или продалась, – сердито сказал Ромашов, – как не услышать, что ломают стену?

– Разбойники! – воскликнула Елизавета Павловна и покраснела. В ранней юности ей нравился один студент, позднее оправленный на каторгу за неудачное покушение на важное лицо одного из российских городов, о чем громко кричали тогда все газеты.

– М-да, мёртвый очнётся.

– Вот именно! – Полковник подцепил на вилку кусок рыбы и, понюхав, положил на тарелку. – И охрана тоже! С душком!

Произошло всё ночью. План был до элементарности прост: взломать стену, выходящую на Барнаульскую улицу, и вынести оружие. Здание еще ранее осторожно обследовали Гранитов вместе с Тигрояном, хорошо разбиравшимся в строительных сооружениях по роду своей прежней деятельности. Стена оказалась старой, потому проломать её проблемы не было, главное, всё сделать максимально тихо.

Хозяйка слышала, как трое её жильцов, крадучись, по одному, выскользнули из дома. Гранитов чертыхнулся, спускаясь по лестнице, запнувшись о сломанную ступеньку, Тигроян оставил после себя запах крепких папирос, Кот уходил последним – по-кошачьи неслышно.

Лев Бартов остался в доме, и вскоре его вороватые шаги стали приближаться к её комнате. Дети спали на двух кроватях у стены, младшая обняла старшую, потому в темноте при неверном свете глядевшей в окно луны, то выкатывающейся из-за облаков, то вновь прячущейся в них, казалось, что на кровати не две маленькие девочки, а одна коротконогая толстуха.

Серёжа, спавший отдельно, громче всех посапывал. Дверь приоткрылась, и Лев, сдерживая горячее дыхание, шагнул к постели хозяйки.

– Красавица, не гони, – прошептал он, – всё для тебя сделаю. Я многое могу.

Чуткий даже во сне Серёжа перестал посапывать и сел на кровати.

– Мама, – позвал он.

– Ребёнок проснулся, – сказала женщина, мягко отталкивая тянущиеся к её полуобнажённой груди мужские руки. – В другой раз.

– А не обманешь?

– Мама! – крикнул Серёжа, разглядев в полумраке мужской силуэт.

– Иди, Лёва. – Хозяйка встала и подошла к сыну. Мальчик тут же успокоенно лёг, положив ладошку под щёку.

Жилец пошёл не к двери, а к постели девочек.

– Здесь-то кто? – спросил, приостановившись и всматриваясь в темноту.

– Не буди, там дочери мои малые спят.

Луна вышла из-за облаков, осветила комнату.

– Тьфу ты, точно девчушки, – тихо засмеялся Лев, – да так сладко в обнимку спят. А я ненароком решил: ты гонишь, так она пригреет.

Хозяйка тоже рассмеялась негромко. Прислушалась.

– Внизу вроде дверь открывают.

Действительно, вернулись жильцы. Кот первым взбежал наверх, ловко перепрыгнув через сломанную ступеньку, сказал вышедшему из комнаты хозяйки Льву:

– Скорее иди, помоги разгрузить подводу. Ночью передадим всё Столяру.

Столяром звали опытного партийца Шамшина, вся семья которого активно работала в подполье группы.

– А пока надо спрятать на чердаке.

– А хозяйка? Она же...

– Она моя сестра.

– А не врешь? – подозрительно спросил Лев. – Может, не сестра, а любовница? – В его голосе звякнули злые нотки ревности.

– Давай вниз. Надо вернуть затемно подводу.

Разгрузка заняла немного времени. В дом внесли обёрнутые тряпьем десять берданок, несколько трёхлинейных винтовок и двенадцать револьверов системы Смита-Вессона. Втащили всё на чердак, подняли доски: под ними открылось узкое пространство, пахнущее мышами, сложили туда оружие, закрыли проём и снова аккуратно уложили доски. Спустились. Тигроян и Гранитов закурили. Кот суетился с самоваром: хотелось чая – скоро нужно было ехать возвращать верному человеку подводу.

– Охрану убрали? – спросил Лев, тоже закуривая. – Или только оглушили?

– Не угадал, – устало ответил Гранитов.

– Я не угадываю, а уточняю.

– Охраны не было вообще! – Тигроян захохотал. – Полиция полагала, что склад в полной безопасности на пяти замках. Кот хорошо в технических вопросах разбирается, не раз восстанавливал телеграфную связь Томска, он все замки еще раньше изучил: все пять серьёзные, один – немецкий, с секретным кодом, открыть практически было невозможно. Вот в полиции и решили, что на охрану денег тратить не стоит.

– Болваны, – усмехнулся Лев.

– И шум ломаемой стены околоточный проспал. Хотя мы работали максимально тихо. – Тигроян встал. – Пора.

– Жаль, меня не взяли.

– Ты же сам вызвался ждать связного.

– Да, помню. – Лев кисло улыбнулся. – Он должен был приехать ночным поездом. Не приехал.

Хозяйка, слышавшая разговор, подумала: «А ведь врёт. Струхнул и решил остаться, вот и всё. Да ещё показалось, наверное, заманчивым, что соперник Гранитов будет отсутствовать». Она о затаённой страсти Тимофея давно догадалась. Он ей нравился больше Льва: крепкий, с горячей душой мужик, на такого можно опереться и греться возле него, точно у печки, когда рядом с ним стоишь, даже пол под ногами кажется тёплым. Тяжело всё-таки одиночке с детьми, ох, тяжело. Но открыто Гранитов чувств не проявлял, и это её немного удивляло. Ведь она ему люба, так чего ж? Неужто женат? Или невеста где-то его ждёт? Да как-то не похоже. По виду, да и по характеру однолюб он. А если вдовец? И хранит верность памяти покойной жены? Такой, если слово себе самому дал в горячке, в век не нарушит. Оттого и Гранитов. Лев-то Бартов по характеру иной, как лунный свет, изменчивый, добьётся, ежели своего от бабы, глядишь – вскоре отвернётся.

Хозяйка пошла к себе, легла. Луна, опять недолго поиграв на лицах спящих детей, порисовав бледно-голубоватые квадраты на деревянных досках пола, скрылась в туче. Стало совсем темно – но сон чего-то медлил, и, ворочаясь в постели, женщина подумала: тоже осторожничает.

Тигроян и Кот спустились по лестнице, внизу остановились.

«Пожалуй, двоим сейчас ехать не стоит, – решил Тигроян, – один верну подводу, ложись-ка спать, тебе же завтра снова в Томск».

Глава пятая Прадед

Июнь 2024 года. Москва

Мишка Гаврилов, позиционирующий себя в соцсетях как фрилансер, что, в общем, соответствовало действительности, поскольку Мишка то занимался перепечаткой текстов для сайтов, то придумывал сценарий компьютерной игры и продавал его, то, опять же для очередного сайта, какое-то время писал короткие статьи как копирайтер, то пробовал вести блог. Как-то он даже помог разгрузить ящики с продуктами возле районного кафе, получив за это непрестижное действие мятые наличные и, что было более для него в тот безденежный период нужно, – бесплатный обед от здорового угрюмого кавказца. Бифштекс, правда, бил в нос чесноком, явно намекая на несвежесть, – и практикующий третий месяц вегетарианство Мишка умял только картофель с солёным огурчиком, компенсируя нехватку серьезных калорий четырьмя ломтями хлеба. Всё это шатание по жизни называлось у него «поиском своей экзистенции» и проходило на фоне вялого заочного обучения на истфаке гуманитарного университета. Жил он в московском «спальном» районе с матерью-библиотекаршей, женщиной замкнутой и робкой, отчего воспринимающей все выкрутасы сына как данность, без попытки что-то изменить или как-то на ход событий повлиять. Защищаясь от собственной психической хрупкости, она выработала принцип полного доверия течению жизни: как идёт, так и ладно. Интуитивный Мишка давно её понял, мысленно окрестил «даосской» и не сомневался, что только из-за робости она, привлекательная до сих пор, в личной жизни не словила шанс. Родитель муж. пола, Илья Гаврилов, одно время преуспевший в небольшом бизнесе, исчез сначала в садах Подмосковья, где весело проводил время с очередной опустошительницей его кошелька, а после, неожиданно оказавшись «на нулях» из райских земных куц переселился в иные, и Мишке как-то не верилось, что в райские. Приятель отца, поставлявший в амурные кущи искательниц «папиков», и «отжал» у стареющего ловеласа весь его бизнес. Ну, типа извини, так вышло. Когда отец умер, Мишка внезапно ощутил, что прочного пола у него под ногами нет. Мир будто перевернулся. День за днём клубились и кудрявились какие-то мелкие облачка, холода щиколотки. И странным казалось Мишке, что не проваливается он в это бездонное небо, оказавшееся на месте дощечек недорогого ламината. Квартира в типовом доме, состоящая из трёх комнат, была обставлена скромно, поскольку почивший не жалел бабла только на разврат, как выразилась подружка Мишки, поступившая тоже типично: учуяв, что наследство приятелю не светит, она дематериализовалась из его жизни, послав эсэмэску «прости прощай смайлик машущая рука». «В спальнях районах всё типовое», – зло подумал Мишка и, разбив о кафель в ванной смартфон, решил начать жить тоже прямо с нуля. Мать, конечно, огорчилась, выбрасывая в мусор Мишкин убитый гаджет, но уже назавтра на Мишкином столе лежал другой смартфон, хоть и недорогой, то бишь бюджетный, но зато новый. И, хотя вместо пола по-прежнему клубились и холодили ступни плывущие облака, Мишка как-то успокоился. Ему нравился риск, и в ситуации полного отсутствия страховки можно было попытаться словить адреналиновый кайф.

В квартире проживала кроме Мишки и его матери Ани её бабушка, Мишкина прабабушка Анастасия Дмитриевна Кугушева, получившая княжескую фамилию от первого мужа и не менявшая её, выйдя замуж вторично за художника-иллюстратора, давно ею забытого. От художника она родила дочь, погибшую тридцатилетней в аварии, оставив тоже дочь, второклассницу Аню, то есть будущую маму Мишки.

Прабабушка совсем не занимала Мишкины мысли. Живёт – и хорошо. И отлично, что не суёт нос в его проблемы. И приятно, что культурная – историк. У бросившей его подружки

полуграмотная бабка выбросила все книги, и Мишка, как-то зайдя за приятельницей, спас от свалки четырехтомник Пушкина.

Анастасия Дмитриевна предпочитала проводить время в своей комнате за чтением и компьютером – на удивление быстро она освоила поисковики Интернета и с удовольствием переходила от ссылки к ссылке, порой помогая отыскать что-то нужное и Мишкиной матери. «Крутая у тебя старуха, – сказала как-то бывшая приятельница. – Моей мамашке полтинник, она ни в зуб ногой в компе – только почту смотрит, зато в салонах красоты зависает днями».

«В общем-то, об исчезновении подружки и её семейства жалеть вряд ли стоило, – как-то подумалось Мишке. – Зря тогда грохнул смартфон».

Печатать Анастасия Дмитриевна умела с юности, поскольку первый её муж в давние годы советского энтузиазма прозябал вместе со своей княжеской фамилией в партийной районной газете и ленился сам набирать на старой «Москве» дежурные заметки о надоях и поощрении сельских передовиков. Да и сама Анастасия иногда публиковала в той же газете очерки, обычно по краеведению или о «людях культуры»: работниках клуба, участниках народного хора, самодеятельных стихотворцах. Вскоре её родственница, известный журналист, поспособствовала переходу ленивца Кугушева из районной газеты в городскую. Там-то он и нашёл своё счастье с секретаршей, освободив место для художника.

Анастасия Дмитриевна внезапно оказалась Мишке нужной, когда наткнулся он в Интернете на короткие воспоминания одного сомнительного кадра – участника революционных событий 1905 года. Похоже было, что полупогасший краеведческий форум мало кто посещает: какие-то два-три вялых комментария болтались ещё с позапрошлого года. Мишка и воспоминания не стал бы читать – революционная тема его совершенно не интересовала. Зависая который год на заочном, он так и не определился – какой период истории выбрать для глубокого погружения. Иногда ему казалось, что, пожалуй, стоит универ послать подальше и попробовать себя в живописи: способности деда внук унаследовал. Воспоминания на форуме прятались «под катом» – и открыл их Мишка чисто автоматически. Открыл и закрыть не смог: о своем участии в революционном движении начала XX века вспоминал полный Мишкин тёзка: Гаврилов Михаил Ильич.

«В феврале 1905 г. мне исполнилось 17 лет. В Новониколаевск я приехал в сентябре того же года. Приехал из Томска, где работал телеграфистом. В Новониколаевске, по решению томского комитета РСДРП, стал работать слесарем в инструментальном цехе железнодорожных мастерских станции Обь. Жил в доме на Переселенческой улице. Хозяйкой квартиры, занимавший весь второй этаж полукаменного дома, была моя родная старшая сестра Диева Александра Ильинична – вдова с тремя детьми: дочерьми Ириной и Стефанидой, сыном Сергеем. Средств она не имела, поэтому сама готовила различного рода пирожки, жарила кур и т.д. и с этими продуктами на лотке (корзинке) выходила на станцию Обь и продавала эту снедь пассажирам проходящих поездов.

Диева А.И. к революционному движению относилась очень благосклонно и оказывала революционерам большую помощь. Хранила литературу, прокламации, которые Обская группа РСДРП получала обычно из Томска, реже – из Барнаула. Предоставляла свою квартиру для приезжавших из Томска и других городов профессиональных революционеров. Через неё благодаря её торговле у пассажирских поездов отправлялись прокламации на близлежащие станции Чик, Чулым, Мошково и др. К Александре Ильиничне подходили заранее обусловленные лица, покупали пирожки и другую снедь, и она им передавала по паролю прокламации в готовых свертках. Такой способ пересылки практиковался недолго, а затем был прекращён совсем, чтобы её «не провалить» и сохранить квартиру. Диева А.И. стала «держателем столовников»...»

Не дочитав до конца, Мишка скопировал текст. Прабабушка неплохо знала свою родословную и всё, что знала, записывала. Изучила Анастасия Дмитриевна истории предков сво-

его мужа, художника, Мишкиного прадеда, и объединила родовые линии. Мишка понимал: она не хочет грузить правнука поучительными разговорами, отсылающими к «родовой чести», больше надеясь на его собственный интерес. И, действительно, иногда он в записи Анастасии Дмитриевны заглядывал. К началу XX века всех, собранных Анастасией Дмитриевной в одном файле, можно было отнести к разночинной интеллигенции: представлены были среди общей родни дореволюционные студенты, две бестужевки, врач, гимназические учителя. Были и потомственные священнослужители – в священники в конце XVII века подался сын таможенного ларёшного – служилого из «лучших людей». Один из Мишкиных пра, управляющий завода, породнился через замужество дочерей с представителями духовенства. Имелся обедневший дворянин с баронским титулом. Правда, внук барона угодил в политссыльные и в Иркутске благополучно женился на дочери скромного канцеляриста – дворянство вернули, а титул затерялся на кандалных дорогах Сибири...

Иногда Мишка разглядывал альбом со старинными фотографиями. Женщины в модных шляпках, мужчины, подписавшие обратную сторону своих фотографий, кто – стихами, кто – крылатой латинской фразой, выглядели приятно и, признаться, льстили Мишкиному самолюбию. Иногда он с грустной иронией называл себя отложенной жертвой революции 1917 года, используя баронский титул для поднятия собственного престижа, поскольку больше ему гордиться было нечем. Буржуазное обаяние почившего папаши осталось в прошлом, а вместо него зияло чистое пространство честной семейной бедности.

А тут какой-то мутный тип и тётка, торгующая у вокзала! Конечно, «Гаврилов» – фамилия нередкая, скорее всего – совпадение. И всё-таки...

Мишка осторожно приоткрыл дверь в комнату Анастасии Дмитриевны. Может быть, о родне со стороны Ильи Гаврилова, покойного отца правнука, она что-нибудь знает?

И в который раз удивился: прабабушка выглядит много моложе своих почтенных лет. И проходит каждый день пешком не меньше пяти километров!

– Конечно, о Гавриловых я кое-что знаю, – сказала она, откладывая книгу, – когда Аня сообщила мне, что ждёт ребёнка, я имела беседу с Ильёй на тему его родословной, а после нашла подтверждающие факты в статьях и в письмах: всю переписку Гавриловых Ильи отдал мне. Движима я была не только любопытством и не только интересом к корням любого человека. Мне хотелось знать, какая родовая история достанется моему правнуку. Уверена была: родится мальчик.

– И какая же?

– Твой отец – третий, поздний, ребенок. Да и ты у Ильи не ранний. Если исходить из средней нормы: одно поколение – это приблизительно 25 лет, у тебя по мужской линии пропущено одно, а то и два поколения. Потому и деда, отца Ильи, ты не застал. По профессии он был инженер. Любил слегка выпить. И всю жизнь в дни юбилеев революции посещал торжественные собрания как сын старого большевика, портрет которого красовался в каком-то сибирском историческом музее. Такие собрания часто заканчивались банкетами.

– В музее? Ничего себе! А почему сибирском?

– Прадед был уроженцем Пензенской губернии, а жил в Сибири, там и отмечен. Скорее всего, музей уже закрыли: время теперь не тех героев, всё, мешающее идеологии денег, стирается или очерняется... Правда, и советская власть создавала свою мифологию, обрубая факты, мешающие нужной картине. И с музеем то же самое. Твой прадед Гаврилов Михаил Ильич...

– Гаврилов Михаил Ильич? Мой полный тёзка?

– Выходит, так. Только он был не большевик, а меньшевик.

Глава шестая Дознание

Декабрь 3 1903 года

* * *

Секретно

*Опись вещественным доказательствам, приложенным к настоящему дознанию
Название вещей и бумаг.*

- 1. Брошюра на 14 листах в синей обложке, сочинение Л.Н. Толстого под названием «Неужели так надо?» с послесловием.*
- 2. Прокламация Рос. Соц. дем. раб. партии «Ко всем работающим и служащим по найму в Сибири».*
- 3. Прокламация того же союза «Два злодейства: Златоустовская бойня и Кишинёвское избивание».*

* * *

Рыдания Шурочки стали мучительной для Диева традицией: каждый вечер теперь, уложив детей, она выпивала вина и, взяв гитару, сначала пела негромко романсы, после заливалась слезами и, наконец, уткнувшись в мягкие диванные «думочки», глухо рыдала. Её не пугало даже свое опухшее лицо в зеркале, казалось, наоборот, Шурочку радует, что наносит она урон своей красоте. Диев в первое время пытался её успокаивать, но утешительные слова звучали так робко, что приносили обратное: жена рыдала еще отчаяннее.

Мишка жил у тётки Лебёдки, сестры Стефаниды Акинфиевны, пытавшейся всеми силами через мужа-протоиерея и его сына Никодима Антониевича добиться закрытия дела. Но пока никаких результатов от активности родни не было. Диеву и Шурочке обо всех неудачах рассказала сама тётка Лебёдка, давно смирившаяся с прозвищем, подаренным ей хулиганом-племянником. Она пришла как-то вечером, принесла собственной выпечки яблочную шарлотку и мармелад, от которого пришли в восторг детишки. Они прыгали и, словно ёлочные игрушки, повисали на руках полноватой гостьи. Шурочка злилась и твердила: глупости, ни за что дело не закроют, не о том думать надо, а о сохранении места на железной дороге. Вот где связи бы поискали.

– Полковника Ромашова в городе уважают, оттого никто помогать не станет, – вяло отмахивался Диев, – кто захочет своим служебным местом рисковать? Ромашова трясёт от бешенства, когда он меня выспрашивает.

– И что ж ты, голубчик, ему говоришь?

– Говорю, Олимпиада Акинфиевна, что нашёл пакет на полу экипажа, кто-то выронил, а извозчик не углядел. – Диев всегда обращался к сестре жены своего дяди уважительно – в отличие от Мишки и Шурочки, по имени.

– Полковник не такой дурень, чтобы тебе верить, – раздраженно сказала Шурочка. – Доверчивого не поставили бы возглавлять жандармское управление.

– У него нет фактов, имеются лишь показания против меня извозчика Трофима.

– Каков мерзавец этот Трофим! – воскликнула Олимпиада Акинфиевна.

– Сотни таких, – вздохнул Диев, – за каждым углом.

– Ромашов недалеко от них ушёл! – Глаза Шурочки вспыхнули яростными огоньками. – Вся нынешняя власть такая.

– Ну, ты высоко замахнулась, – заметила Олимпиада Акинфиевна, – извозчик-то – какая власть, тот же пролетариат, за коего вы так с твоим Мишуткой ратуете. Наш Антоний верно говорит: «Дай трофимам власть – нам всем тогда не жить».

– Нам не жить, если Алексея уволят, – вернулась к пугающей её теме Шурочка, – мы и кухарке задолжали... По миру пойдём с детьми.

– Может, не отправят документы в Управление дороги? – сказал Диев. – Отдадут под надзор полиции, тем и отделаюсь.

Полковника Ромашова действительно трясло от бешенства, когда он читал противоправительственные прокламации, возмущавшие его до глубины души. «Всех бы смутьянов перевешать, – думал он, – очистить от них Россию, ведь ведут страну к пропасти». Отставной титулярный советник Диев то виделся ему невинной жертвой собственной слабости, то представлял коварным притворщиком. Разобравшись в деле, проведя три беседы с обвиняемым, Ромашов препроводил дело поручику Бахереву. Может, тому удастся выудить дополнительную информацию? Заговора и лиц, передавших брошюру и прокламации, полковнику выявить не удалось. Диев упорно утверждал, что нашел пакет и, будучи в нетрезвом состоянии, бессознательно положил в карман, посчитав, что он оттуда и выпал. Так сильно был пьян, что ничего не сообщал. Против этого полковнику Ромашову возразить было нечего: и точно так – извозчик Куликов доставил Диева, находящегося в состоянии «ню». Правда, хитрый Трофим пытался навести следствие на брата супруги Диева, пятнадцатилетнего Михаила Гаврилова, но представить ничего доказательно не сумел. Ромашов на всякий случай приказал Бахереву, не внося в протокол, прощупать Диева на предмет юного родственника. Но и поручик прибавить нового к имеющимся показаниям Диева не смог – так и доложил Ромашову. Ничего особого не обнаружил он и в биографии самого Диева. Православный. Великоросс. Подданство российское. 1855 года рождения. Отставной титулярный советник. Служит в конторе Движения Сибирской железной дороги. Постоянно проживает в Томске. Племянник уважаемого в городе протоиерея, сын его покойного брата, обер-офицера. Родители скончались в Мокшане Пензенской губернии. В оставшемся от них доме проживает теперь младший брат обвиняемого – Александр Александров Диев, 43 лет, учитель. Супруга Александра Ильинична Диева, 24 лет, урождённая Гаврилова. Трое детей: 5, 3 и 1 года.

Далее содержались сведения от Жандармского Управления: обвиняемый к дознаниям ранее не привлекался. Основания привлечения к настоящему дознанию: переписка, возбуждённая приставом IV участка города Томска и результат обыска. Время привлечения к дознанию: 15 октября 1903 года. Время и место обыска и ареста: 15 октября, в гор. Томске. Время первого допроса: 15 октября. При обыске обнаружены брошюра под названием «Неужели это так надо?» Л.Н. Толстого и две печатные прокламации противоправительственного содержания. Все сведения переданы в Департамент полиции начальником Томского Губернского жандармского управления полковником Ромашовым. Согласно 2 п. 416 ст. Уст. Уг. Суд. Алексей Александров Диев отдан под особый надзор полиции по месту жительства в гор. Томске.

* * *

Именной список обвиняемого, составленный на основании

Циркуляра Департамента полиции 1885 года за № 1769

Диев Алексей Александров

Принятая мера пресечения: Согласно 2 п. 416 ст. Уст. Суд. Отдан под особый надзор полиции по месту жительства.

Место нахождения обвиняемого: Гор. Томск. Документы Диева препровождены в Управление Сибирской Железной дороги при отношении за № 4993.

Верно: Поручик Бахерев.

* * *

Тридцатилетний поручик, правда, не был уверен, что обвиняемый говорит правду, но решил сильно в дело не вникать: прокламации в последнее время появлялись чуть ли не на всех столбах, не станешь над каждой ломать голову. Да и Диев показался ему вполне приличным человеком, к тому же напомнил собственного покойного отца, тоже дальше титулярного советника не продвинувшегося. Пожалуй, стоит полюбопытствовать, решил поручик, что за крамолу сочинил граф Толстой, роман которого «Анна Каренина» Бахереву в деталях пересказала супруга, выпускница Иркутского Девичьего института, где получали образование благородные девицы Сибирского края и даже обучались дочери декабристов. Брошюру он открыл, пролистал, прочёл пару страниц – и отложил: скучно! Понятно, что мир несправедлив испокон веков, понятно, что мужик беден, а граф и заводчик богаты, так к чему об этом писать? Какой толк? Никто никогда ничего не изменит. Тот, кто дорвался до власти, всегда будет стремиться богатеть, а буржуазно-купеческий элемент – сохранять и приумножать свою собственность. И всё это любыми путями, часто и низкими. Нравственный человек – нужен, он совместно с государем и церковью сохраняет общество от распада и озверения, но видимая власть не в его руках. Жена Бахерева, проводившая время с книгами, нашла как-то в одной из них фантастическую теорию индусов о том, что человек живёт несколько раз, душа его переходит из тела в тело, и в каждой следующей жизни он получает то, что заслужил в предыдущей. До этого с несколькими томскими дамами она крутила блюдец, вызывая на разговор умерших, однако, узнав о перевоплощениях, занятия спиритизмом прекратила, посчитав, что в потустороннем мире душ нет, а отвечают на вопросы дам крутящиеся рядом бесы. Поручик, чтобы не прослыть еретиком, об индусской теории распространяться не стал, поскольку она противоречила православию, но отметил для себя, что его такое объяснение существующей в мире несправедливости вполне устраивает. Бедняк в следующей жизни может стать богачом, вкушать все соблазны денег и роскоши, а затем, умерев и родившись снова, понести наказание за бессовестный грабеж народа, опять обратившись нищим. «Чего граф негодует, – подумал с досадой, – писал бы свои романы, польза для общества от них поболее, а не прибавлял работы жандармской службе».

– Вы читали брошюру Толстого, найденную у вас при обыске? – спросил поручик обвиняемого, отнюдь не надеясь того поймать, – ведь ежели проговорится «читал», значит, не нашёл в экипаже – просто полюбопытствовал.

– Нет.

Диев сказал правду: он статью «Неужели это так надо?» не читал. И тут же подумал: «Стоило бы, наверное».

– Мне бы паспорт, – сказал просительным голосом, – без него жалованье не выдадут.

– Хорошо, – легко согласился Бахерев, убедившийся в честности Диева, – напишу в Управление Железной дороги.

* * *

Секретно

Ноября 30 дня 1903 г. Гор. Томск

Препровождая при сем бессрочную паспортную книжицу за № 7 и квитанцию от 31 июля 1903 года за № 5 прошу распоряжения Управления выдать таковое владельцу. Отставному

титularному советнику Алексею Александрову Диеву под расписку, каковую приуготовить мне.

*Верно: Поручик Бахерев
В Управление Сибирской железной дороги.*

* * *

Паспорт Диеву выдали только через два месяца, в конце января. Правда, служащий едва не забыл про необходимость запрошенной поручиком расписки: в Управлении железной дороги горячо обсуждали начало войны с Японией. Большинство служащих было уверено в скорой русской победе.

Известие о войне встревожило Диева, но, выйдя на улицу, он тут же о японцах забыл, подумав о своём, личном: казалось бы, такая ерунда в кармане – серая книжица, а он снова ощущает себя человеком. Об увольнении разговора не было – может, обойдется, мелькнула надежда. Даже окрепший зимний снег, утративший первоначальную белизну, несмотря на свою серость, грязные разводы и крапины, показался ему сейчас праздничным. Служащий догнал и вернул Диева. Пришлось сесть к столу и написать:

1904 года Января 29 дня паспортную книжку за № 71 с квитанцией за № 5 обратно получил, в чем и подписываюсь. Отставной Титулярный Советник Диев.

29 марта 1904 года поступило подтверждение из Управления Сибирской железной дороги.

* * *

*Секретно
Начальнику Томского Губернского жандармского управления*

Вследствие отношения от 30 ноября 1903 года за № 4993 имею честь препроводить расписку Отставного Титулярного Советника Алексея Диева в получении им письменного вида за № 71 с квитанцией за № 5.

*Начальник дороги. Инженер Васильев
Начальник Службы движения Левшин.*

Глава седьмая Телеграфист

Апрель 1904 года. Томск

В обязанности Мишки входила проверка телеграфных проводов и устранение неисправности прямо на месте обнаружения. Он легко, почти бегом, отмахивал больше двадцати километров в день и, возвращаясь на Юрточную гору в губернскую почтово-телеграфную контору, ещё и успевал помочь миловидной телеграфистке отбить или принять телеграмму. Почтовые работники, сплошь мужчины, приходили в соседнюю маленькую комнату, где располагался телеграф, поглазеть не на технику, уже им привычную, а на молодую женщину. Телеграфная связь между Томском и европейской частью России протянута была давно, осенью 1863 года, а симпатичная телеграфистка на Томском телеграфе появилась совсем недавно. Среди почтовых служащих женщин до сих пор не было.

Мишке нравилась работа. Он решил на следующий год поступать в Томское телеграфное училище. Нравилось ему и выступать перед публикой: говорил он живо, грамотно, – и на вечере в библиотеке Макушина с удовольствием рассказывал любознательным обывателям об изобретении телеграфа. Первую телеграмму на 100 метров передал российский учёный – барон Павел Львович Шиллинг 21 октября 1832 года на сконструированном им самим электромагнитном телеграфном аппарате. Он же первым разработал проект подводной телеграфной линии между Петербургом и Кронштадтом. Опять же русский ученый Борис Семенович Якоби создал пишущий телеграфный аппарат в 1839 году...

– Разумеется, европейцы с внедрением изобретений Россию обогнали. У нас очень медлительная исполнительная система. – Мишка незаметно перешёл на критику власти. – Чиновник тонет в бюрократическом крючкотворстве, монархия как государственный строй изжила себя...

– Да не такая уж медлительная, – подал реплику один из слушателей, – на днях первый таксофон поставили: кинул гривенник – и говори ровно три минуты.

Все засмеялись.

– Критиковать-то власть легко, трудно дело делать, – послышался голос из-за приоткрытой в помещение двери.

Мишка насторожился. Но повезло: никто из слушателей на него не донёс.

Вечером у него было свидание с девушкой Зоей Еремеевой, недавно окончившей гимназию и вдохновенно мечтающей «просвещать народ». Зоя однажды ловко наклеила на столб призывающую к революции листовку, переданную ей Мишкой. И, следя из-за угла соседнего дома, как жандарм сердито бумажку срывает, весело насмехалась над ним, высунув острый кончик розового язычка. Идея революции стала модой и распространялась в городе, точно инфлюэнца. Мишка Зое нравился тем, что вступил он в партию социал-демократов. Ему уже исполнилось шестнадцать, хотя по-прежнему он прибавлял себе год, а порой и два, для солидности. Зоя, считающая себя «эмансипе», быстро перешла ту черту в отношениях двоих, какую кандидат богословия законоучитель Епархиального училища Никодим Диев, духовник её матери-вдовы доктора Еремеева, – посчитал бы запретной. Зоя и крестик уже не носила, сердясь, что Мишка почему-то не выбрасывает свой.

Мишка сначала взлетал, разгорячённый девичьими поцелуями, а потом падал в какой-то долгий колодец, теряя память о происходящем, и, выбравшись снова на свет, с удивлением видел рядом с собой обнажённую девичью грудь. О помолвке речь, конечно, не шла. Вдова Еремеева метила выше: для единственной дочери она присмотрела выгодного жениха – брата жены жандармского поручика Бахерева. Поговаривали в Томске, что отец супруги поручика, состоявший во второй купеческой гильдии, владелец фабрики, двух пароходов и золотиносного

прииска, опишет любимому сыну увесистую долю наследства. Зоя читала стихи на одном из праздничных гимназических концертов в театре Королёва – и оказавшийся среди зрителей сын второгильдейщика преподнёс ей цветок. Наверняка этот галантный жест и внушил вдове Еремеевой идею возможного удачного брака. Наследство маячило уже близко – больной купец второй год дышал на ладан, ученик покойного мужа Еремеевой, доктор Залманов, скорбно разводил руками: не встанет, состояние старого воротилы безнадежно. Еремеева всеми силами пыталась как можно скорее оторвать Зою от нищего Мишки, о романе с которым Зоя, называя себя социалисткой, сообщила ей с гордостью.

Социал-демократ Мишка вряд ли сам ясно понимал причину того, что до сих пор носит православный крестик и втайне от всех иногда заходит в церковь. Многое совершалось только в дымке его души, не превращаясь в отчетливые мысли. Он жил, подчиняясь не рациональному плану, а интуиции, имеющей отношения к телесности только в случае опасности, а в обычное время привычно сигнализирующей о потребностях разума и чувств. Не простаивал на службах, лишь зажигал свечу и, смотря на колышущийся огонек, исчезал из реальности, улавливая что-то инобытийное, чему не было в книге его сознания подходящих слов.

Весной умер протоиерей Антоний, отец епархиального законоучителя Никодима, духовника Еремеевой. Скончался старик не в Томске, а в своём сельском доме, приобретённом много лет назад по приезду из Пензы. Никодим сразу объявил, что всё оставшееся от отца готов отписать сестре Надежде, вечно мёрзнувшей тридцатилетней девице, живущей то у матери, то у добродушной Олимпиады в доме на Садовой. Мишка считал Надежду скучной старой девой. Некрасивостью она походила на милую ему тётку Лебёдку, и это как-то мирило с присутствием Надежды в его жизни. Порой она казалась всего лишь тенью, утратившей чувства, а возможно, не обладавшей ими сразу: её боязливые движения стремились незаметно раствориться в пространстве дома, не нарушив его порядка, а пергаментный голос звучал так редко, точно она опасалась произнесённых слов. На замужество Надежды семейные, конечно, не надеялись.

– Смотреть мне на неё больно, – как-то сказала Стефанида Акинфиевна сестре. – Может, правда всё оттого, что, как стала я вдовой, так и зрение начала терять.

– Чего ж ты, милая моя, страшишься в Наденьке увидеть? – ласково спросила Олимпиада. – Здоровьем её Бог не обидел, а то, что одна, так и я всю жизнь безмужняя.

– Страшусь увидеть, что моя оставшаяся жизнь коротка, а она, такая неприспособленная. Антоний мне снится, машет из небытия рукой и зовёт меня за собой.

– Душа его тоскует о тебе. Ты, Стефа, помолившись перед сном, попроси Господа помочь ему уйти от нашего земного мира в высшие сферы. И душе Антония будет помощь, и твои дни продлятся.

– Тётя Стефанида, – внезапно произнёс Мишка, до сих пор живущий у Олимпиады Акинфиевны, – вы ещё тридцать лет проживёте!

Он сам не знал, отчего у него вырвались эти слова, оказавшиеся вещими. Шурочка не раз замечала за Мишкой такую необычную особенность: предугадывать ход судеб, а иногда и предсказывать события. Всё это получалось у него совершенно случайно, точно шла какая-то телеграфная лента прямо через его подсознание – и на выходе отбивала телеграмму.

Пришедший запрос от помощника инспектора 2-го участка пришлось Мишке читать вслух: вдова принесла письмо сестре. Несмотря на горе, терять приобретенное мужем Стефанида Акинфиевна всё-таки не хотела, думая о неопределённости дочернего будущего, и занялась документами. С домом всё было ясно, остальное вызывало вопросы. Инспектор запрашивал:

Прошу сообщить в самом непродолжительном времени следующие сведения об имуществе, оставшемся после смерти священника Антония Михайловича Диева, находящемся в селе Баланово Кривощечковской волости:

1) в чём заключается недвижимое имущество – если в земле, то какое количество десятин удобной и неудобной, если усадебное место с постройками, – то какими, где таковые находятся, (уезд, волость, селение);

2) не замечен ли это имущество в кредитном учреждении или частному лицу, где и кому именно, в какой сумме и по какому акту, а равно во сколько учтено для залога;

3) застраховано ли и в какую сумму оценено при приёме на страх;

4) во сколько оценено имущество для изъятия земских сборов;

5) не обременено ли имущество ко времени перехода к наследникам недоимками: казённых, городских, земских и общественных сборов и в какой сумме по какому сбору;

б) как велика оценка по акту последнего приобретения.

— Я ничего об имуществе не знала, – прослушав, огорчённо сказала Стефанида Акинфиевна, – ни про залоги, ни про то, сколько каких десятин. Сызмальства в бумажках таких не понимаю. Отвращает моё сердце от канцелярщины.

– Надо ответить и написать, чтобы инспектор подал запрос в волостное правление, – посоветовала Олимпиада, – там всё знают. Помню, Антоний как-то говорил, что земли много. Если Наденьке в сельском доме жить не захочется, можно будет продать.

– Да, жаль продавать. – Стефанида Акинфиевна глянула на стоящую в дверях гостиной дочь. – Правда жаль, Надюша?

– Я мечтаю быть чем-то полезной людям, а не об усадьбе.

Слова обычно молчаливой девицы прозвучали так неожиданно, что все на миг застыли: Стефанида Акинфиевна – в кресле, сестра её – на гнупом стуле у покрытого кружевной скатертью стола. На нём стояли фарфоровые чашки, и заманчивой горкой белело облитое сахарным сиропом печенье.

У Надежды есть мечта, поразился Мишка. И тут же мелькнула быстрая мыслишка: «Не приобщить ли её к работе партии? Пользу такой деятельности она точно сможет ощутить. Впрочем...» Он глянул на тётку Лебёдку, перевёл взгляд на всё так же стоящую в дверях Надежду. Нет, похожа-то она похожа на Олимпиаду Акинфиевну, а только, если первую он мог представить даже на демонстрации с красным флагом, вторую – ...в лазарете. В лазарете? Почему?

– Слышу, кипит, почаёвничаем. – Тётка Лебёдка поднялась и пошла в кухню за самоваром.

Надежда молча села к столу. «Надо же, – снова смотря на неё, подумал Мишка. – Мечта у неё, видите ли, имеется. А вот с моей – о поступлении в телеграфное училище придётся расстаться. На время? Или навсегда?»

Руководство томской группы РСДРП решило перебросить его в Новониколаевск в качестве организатора и связного.

– Придется и литературу туда возить, – сказал Гаев. — Уу них пока нет своей типографии.

Уезжать из Томска Мишке не хотелось. «Потяну время, – решил он, – может, кого другого для обчан найдут, а мне бы всё-таки в училище...»

Глава восьмая Брошюра

Май 1904 года. Томск

В апреле Шурочка родила четвёртого ребёнка, но девочка, названная Лизой, не прожила и пяти дней. Не успели даже окрестить. Диеву больно было смотреть на крохотное бездыханное тельце, казалось, с младенцем умерло что-то и в нём самом – что-то с детства таящееся в глубине души и так и не проявившееся. Шурочка отреагировала на смерть новорождённой усилившейся раздражительностью. Она хлопала дверьми, нервно, рывками, отодвигала от стола стулья и так резко забросила на шкаф гитару, что струны инструмента горестно откликнулись. Как-то Шурочка сказала Диеву:

– Дядя Антоний скончался, через месяц наша... Жди третьей смерти. Примета такая: двое третьего уведут.

Посмотрела сердито на Диева и добавила:

– Ты же теперь воробышка-социалист, выходит, в приметы верить не должен.

– Какой я социалист, сама ведь знаешь. Сколько вместе живём, столько надо мной и насмешничаешь, – грустно сказал Диев, – я ведь даже содержание прокламаций узнал только на допросе: полковник Ромашов не поленился зачитать. Там говорилось о жутком еврейском погроме в Кишинёве и какой-то бойне в Златоусте. Про Кишинёв писали в газете, а про Златоуст я до сих пор ничего не знаю. С Михаилом стараемся не видаться – спросить не у кого.

– Поинтересовался бы у родной жены.

– Ты знаешь? – удивился Диев.

– В Златоусте расстреляли больше шестидесяти рабочих по приказу уфимского генерал-губернатора Богдановича.

– За что?!

– Бедствующий пролетариат требовал справедливости. Всё, как обычно.

– Всё ж таки обычно не расстреливают. Богданович должен предстать перед судом.

– Не пори чужь. – Диеву показалось, что Шурочка смотрит на него то ли с жалостью, то ли с презрением, – царизм всегда оправдывает своего верного слугу. Судила Богдановича организация партии эсеров и вынесла ему смертный приговор. Мишка сказал: «Богданович уже в аду». Хотя я не верю ни в ад, ни в рай.

– Неужели Михаил... – У Диева похолодели ступни ног.

– Конечно нет! Эсеры – другая партия. Расправилась их боевая дружина.

– Я не понимаю, кто из социалистов кто.

– Может, это и к лучшему. – Шурочка улыбнулась. – И хорошо, что ты не заглянул в брошюру Толстого. Точно бы всё выболтал и угодил в тюрьму... Для серьёзного дела ты, мой пьющий воробышка-муженёк, не годишься.

– Я только слегка иногда выпивающий, – обиделся Диев, – пьющего бы на железной дороге не держали. Особенно теперь.

– Не сглазь! Мишка предупредил: ты висишь на волоске, потому должен быть очень осторожным. А он всё предугадывает. – Шурочка нахмурилась. – Отдала вот вчера долг хозяйке квартиры. А одежды себе не на что купить. Всё стало мало, еле влезаю в блузку и в юбку.

За последние два года Шурочка раздалась: бёдра её, и раньше округлые, теперь вставляли под платъём двумя кольшушимися при ходьбе холмами, лицо утратило девичьи штрихи карандашного наброска и обрело во всей полноте красок и линий женскую зрелость. Собственная щуплость на фоне рубенсовой роскоши супруги сейчас вызвала у Диева грусть и неожиданно оживила хрупкий облик его пензенской первой любви, давно сокрытой от памяти сердца снежным покровом томских зим. «Там остался светлый мой путь, – с сожалением подумал Диев, –

а здесь...» После страшного известия о расстреле рабочих и не менее страшного – о самосуде эсеров-террористов над Богдановичем, Шурочка и её брат оказались ему причастными к той тёмной стороне мира, с которой звучали кровавые выстрелы.

– Вы с Мишкой – чернокнижники какие-то, – произнёс Диев, не выбравшись из собственных мрачных мыслей, – а я, глупец, попал к вам в сеть.

Он ждал, что Шурочка ответит обидной репликой: да, глупец, потому и угодил в плен любви, но она промолчала. И её молчание насторожило: а если он угадал верно, и Гавриловы – порода чёрных колдунов, намеренно прилипших к верующим в Бога Диевым, дабы не сохранилась их чистая православная вера в следующих поколениях? Дьявольский замысел? Или... или от пережитого у Диева ум за разум заходит? В Мокшане по соседству жила неприятная семья, бездетные муж и жена, отец Диева перед смертью жаловался, мол, они и навели на него неизлечимую хворобу за то, что не уступил им части своей земли, прилегающей к дому. Тогда Диев посчитал слова отца болезненным бредом, почему же сейчас сам начал подозревать подобное?

Идя с поминок по Воскресенской с двоюродным братом Никодимом – прошло сорок дней с ухода протоиерея Антония – Диев попытался разрешить возникшие сомнения, подумав: «Никодим после Казанской духовной академии много образованнее меня, потому про чёрную сторону мира должен знать нечто конкретное».

– Всё на самом деле просто, – ответил Никодим, откидывая ладонью со лба кудрявую прядь, – свет там, где прощение и любовь. Тьма там, где вражда и ненависть.

Диев утаил, что почему-то стал подозревать в служении тьме жену и её брата.

– А Толстой, – спросил осторожно, – разве не сеет вражду? Почему он выступил против церкви? Об этом писали газеты.

– Думаю, ему не даёт покоя не сама церковь, а слава отца Иоанна Кронштадтского.

– Но это же мелко.

– Мелко было бы, коли Толстой воевал бы с самим отцом Иоанном, а он как человек-гигант расширил предмет борьбы до масштаба всей церкви. И кое-какие недостатки указал верно. Все пороки общества и к нам проникли. Но им противопоставлено многовековое искреннее служение честных и верующих священников.

– Жена считает, что сами церковные службы устарели. Ведь любая форма со временем костенеет или ветшает, разве не так?

Никодим не стал углублять тему и касаться взглядов Шурочки. Только заметил:

– В застывшей форме служб символически выражена вечность.

Простившись с Никодимом, Диев поплёлся домой. Видеть ни жену, ни детей не хотелось. Для малышни не было гостинцев, обычно посылаемых Стефанидой Акинфиевной или её сестрой – добрейшей Олимпиадой. С поминок гостинцы не отправляют.

Внезапно Диева догнал Мишка, он забежал на Воскресенскую, но, перехватив пару блинов, мгновенно исчез.

– Вы как? – спросил, приостановившись. Шелестела еле слышно молодая листва, маняще пахло первыми цветами. Служителей порядка вблизи не было. – Пришли в себя?

– Я из себя и не выходил, – неумело пошутил Диев.

– Это вам так казалось. Со стороны виднее.

Диев не возразил. Что спорить?

– Дознание не закрыли? Всё ещё мучают?

– Пока не закрыли. – Диеву вдруг стало обидно, что он так и не прочитал статью Толстого, из-за которой перенёс столько унижений: донос кучера, допросы, обыск.

– Мне бы хотелось ознакомиться с брошюрой «Неужели это так надо?» – Он, постарался придать подрагивающему голосу весомость.

– Хотите узнать, за что страдали?

В который раз Диева поразила Мишкина пронизательность.

- Да хотя бы и так.
- Передам через тётку Лебёдку.

Через пару дней брошюру, опасаясь полиции, Диев уже нёс домой. Он намеренно шёл неторопливо, изображая полное спокойствие, хотя чувствовал себя не человеком, а зайцем, обложенным охотниками. «Видимо, дух Толстого мне помогал, – думал вечером, собираясь читать статью, – желает, видимо, граф, чтобы отставной титулярный советник Диев с его рассуждениями тоже ознакомился». И опять собственные мысли показались Диеву странными. «То родная жена предстаёт чернокнижницей, то начинаю верить в помощь духа. Нет, необходимо срочно вернуть трезвость своему загнанному бедами разуму».

Начало статьи Толстого Диев прочитал поздно вечером, когда Шурочка и дети уснули. Жена часто *теперь засыпала, обняв не мужа, а младшую дочку Ирочку, слабенькую здоровьем.*

«Стоит среди полей обнесённый стеной чугунолитейный завод с не переставая дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих. На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются рабочие люди: одни на 100 аршин под землю в тёмных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах с утра до ночи или с ночи до утра, выбивают руду. Другие в темноте, согнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики, и опять наполняют их, и так работают по 12, 14 часов в день всю неделю...»

«Всё так и есть, – подумал Диев. – Правду граф пишет. В Томской либеральной газете «Сибирская жизнь», основанной старшим братом городского головы Макушина, тоже признавали, что заводчане упорно требуют 8-часового рабочего дня. Поговаривали, что автора заметки потом *наказали*».

«...Другие же мужики тут же недалеко от завода сидят на шоссейной дороге, пригородив себе из рогожки зашитцу, и бьют шоссейный камень. Ноги у этих людей избиты, руки в мозолях, всё тело грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и лёгкие их пропитаны известковой пылью»

Видел Диев таких мужиков. И граф, оказывается, видел: зоркие, однако, у него глаза, высоко сидит в своём имении да глядит далеко.

«Стороной же от шоссе едут два верховых: мужчина на английском жеребце и дама на иноходце. Не говоря о цене лошадей и сёдел, одна чёрная шляпа с лиловым стоит два месяца работы каменобойцев, а за стик-хлыст, модный английский, заплачено столько, сколько получит в неделю подземной работы тот мальчик, который идёт, довольный тем, что нанялся в шахты...»

Диев встал, походил по комнате, снова лёг. И его собственный заработок не позволил бы приобрести для Шурочки такую шляпку... Купить-то, может, и купил бы, да только ни на еду, ни на что другое денег бы не осталось... Значит, статейку-то запретили за правду, вот оно что. Он положил брошюру под подушку и задремал.

Разбудили его сильные удары по ногам и крик. Разъярённая Шурочка, сбросив с него одеяло, не сидела, а стояла рядом в кровати. Белая сорочка, задравшись, открыла полное её бедро, казавшееся не частью женского тела, а движущейся рукоятью работающего молота. Избивая мужа, Шурочка кричала:

– Старый болван! Что я нашла у тебя под подушкой! Ты решил нас в тюрьму посадить? Детей сиротами оставить?

Шурочка собирала и бросала в мужа все бранные слова, какие знала. Диев, отбиваясь от молотящей его жены, дрожащим голосом проговорил тихо:

– Такую же брошюру ты сама прятала у нас в доме. Из-за неё-то всё и случилось.

Шурочка устало упала на кровать, выдохнула:

– Сейчас же пойди и сожги!

Глава девятая Паспорта

Июль 1905 года. Ново-Николаевск

— Почем пирожки?

Она сразу узнала Лебедева, несмотря на изменение его облика: теперь его лицо завершала короткая интеллигентская борода, ностальгически откликнувшаяся в душе торгующей острым воспоминанием о той томской среде, из которой она выпала потерянными с пальца обручальным кольцом.

Громко назвав цену, шепнула:

– Похоже, среди моих провокатора нет.

– Устройте-ка сегодня семейный праздник.

Купив все пирожки, Лебедев направился к палатке с квасом. Шёл он быстро, но что-то неровное было в его походке, точно, пройдя два-три шага по мостовой, наступает он то одной, то другой ногой в углубление из-под выщербленного булыжника. Ей вспомнились слова Кота о Лебедеве: «Фанатик. Таких белый свет долго не держит».

Вместе с пирожками ушло из корзинки тепло, и почему-то и торговке, несмотря на летний день, стало холодно. Слова про «семейный праздник» не напугали её – она от природы была совсем не из пугливых – однако насторожили. Значит, несколько человек из группы соберутся у её постояльцев. Подумала: «Может, не верит, что нет предателя среди жильцов, и решил прислать проверяющего? Да разве прошла бы так успешно операция с оружием из склада полиции, коли затаился бы в доме доносчик? Давно бы нагрянули с обыском». Было дело, сначала она Льва подозревала – с чего это открутился он так ловко от нападения на склад, сославшись на мифического связного из Томска? Да и характер у Льва не открытый, извилистый, с прячущимися за тенью узкими переходами от одного чувства к другому: не угадаешь сразу, чего он него ждать. Вскоре подозрения сами отпали, ведь никого из жильцов не тронули, и она отменила дурные мысли о Льве, как со двора палую листву. Даже то, что Лев отказался от револьвера, сославшись на ненужность оружия оратору, восприняла как решение правильное.

– Если на митинге в депо меня арестуют, – объяснил Лев, – помусолят в полиции, но отпустят быстро, а вот с револьвером в кармане можно и по этапу пойти. Томский комитет оружия вообще не имеет, похоже, у социал-демократов и эсеров там никакой дружины нет.

Когда Кот представил Льву, а потом и Гранитову с Тигрояном хозяйку дома как свою сестру, её опасаться перестали – опасные разговоры подпольщики теперь вели открыто.

Револьверы «смит-вессон», которые из-за тяжести тут же прозвали «Смит весит», взяли себе Тигроян и Гранитов, оставшиеся десять передали дружинникам других «десяток». Берданки и винтовки так пока и лежали под тряпьем и досками на чердаке.

Поздно вечером на Переселенческую пришёл сам Лебедев. Хозяйка уже знала, он состоит в руководстве Обской группы. Да пришёл не один – с темнокозой круглолицей девушкой. Оказалось, только что женился на сестре швеи, тоже «сортировщице». «Выходит, по любви взял, – подумала хозяйка, – а ведь дворянин...» И опять зазвучала струна памяти: так ли она сама жила в Томске? Могла ли предположить, что придётся торговать на улице?

Закипел самовар, на столе появились купленные Лебедевым пирожки, бутерброды с колбасой, домашнее варенье, а ещё привезённое Котом облитое белым сахарным кремом печенье – любимое лакомство маленького Серёжи.

Привёз Кот и антивоенные листовки Томского комитета РСДРП:

«Назад, солдаты! Назад, братья! Не надо войны, её придумал царь. Пока царь над нами, до тех пор и горе с нами. Долой царскую власть, долой монархию!».

— Позорная война на руку нам, революционерам, – заговорил Лебедев, отодвигая стакан с недопитым чаем, – в «Искре» об этом писали со всей убеждённостью. Начальник департамента полиции Плеве считал, что маленькая победоносная война положит конец революционным настроениям в стране, но просчитался. Ни маленькой, ни победоносной не вышло. Японцы оказались хитрее. И протесты по всей России только усилились. В июле прошлого года Плеве убит эсером.

– За что конкретно? – спросил Тигроян.

– Монархист! К тому же, по слухам, не осудил Кишинёвский погром – мы должны постоянно помнить об этом чёрном событии и не допустить повторений в Сибири.

– В Сибири, как в Америке, – сказал Тигроян, тряхнув шапкой кудрявых волос, – там все американцы, здесь – сибиряки. К примеру, я – по матери наполовину русский, наполовину бурят, а по отцу – еврей, он был сослан с Волыни.

– Запомните: вопросы о национальности противоречат объединяющей революционной идее. – Лебедев недовольно нахмурился.

– Политический? – поинтересовался у Тигрояна Лев.

– Шёл по уголовному. Потрошили одного купца, да полиция нащупала след. – Тигроян не смутился, открыв нелицеприятное пятно биографии отца: а чего смущаться? Разве они не тем же занимались, грабя склад полиции?

– Что купцы, что буржуи – враги народа, – сказал угрюмо сидящий в стороне от стола Гранитов, отказавшийся от чая, – однако искоренять зло следует революционными проверенными методами.

– А я сын политического, – сказал Лев, – причём русского священника. Чёрт его дёрнул зачитать вместо проповеди прокламацию. Это я, идиот, листовку ему передал. Мать чуть с ума не сошла от его ареста... Мне светила по наследству духовная карьера, но я уклонился и поступил в Политехнический. А в Томске меня втянули в партию, особых усилий не потребовалось – захотелось мне самому чего-то возвышенного, какой-то захватывающей мозг и сердце высокой цели. А я втянул Гаева.

– Он теперь член комитета, – подал реплику Кот.

– Отец жив? – спросил Лебедев. – Если жив, может быть нам полезен.

– Он в Иркутской губернии. Без права служения. – Лев бросил быстрый взгляд на вошедшую в комнату хозяйку. И мгновенная нить искр пробежала от него к ней.

– Томские социал-демократы выдвигают идею проведения всеобщей октябрьской политической стачки по всей линии Транссибирской магистрали, – снова заговорил Лебедев, – руководители местного комитета открыто призывают к вооружённой демонстрации и забастовке. На собрании они приняли резолюцию, в которой ставят цель – уничтожение царского самодержавия посредством восстания народа и последующего созыва Учредительного собрания. Предлагаю Обской группе поддержать призыв томских товарищей к всеобщей политической стачке по линии Сибирской железной дороги.

– Поддержим, – сказал Гранитов.

– Особо важная тема – солдаты. Необходимо солдатам новониколаевского гарнизона рекомендовать в день стачки тоже выходить на улицу. Нужно приготовить красные флаги и крупно написанные лозунги: «Долой войну!», «Долой царскую монархию!», «Да здравствует всеобщая стачка по линии Сибирской дороги!», «Да здравствует революция по всей России!».

– Флаги есть, один с надписью «Долой самодержавие», а другой как раз с призывом «Прекратим войну!». Первомайская демонстрация получилась сильной. Многие рабочие из депо выступили вместе с нами. – Гранитов помял двумя пальцами с квадратными черными ногтям белую папиросу, чиркнул спичкой, закурил.

– Обошлось без жертв? – спросил Лебедев. – Подробности не знаю, поскольку отсутствовал в майские дни, был в Красноярске.

– Наряд казаков, как всегда, разгонял толпу, но ни погибших, ни раненых не было. – Лев тоже закурил. – Думаю, без жертв, благодаря тому, что запретил штаб Шамшиных брать с собой оружие. Человек пятнадцать арестовали, а к утру всех выпустили... На мой взгляд, не менее важным было недавнее открытое общее собрание рабочих в железнодорожном клубе. Михаил Кот выступил с зажигательной речью, разъяснил слушателям, в чем смысл демонстраций и стачек. Убедил народ. Ему долго аплодировали.

– Товарищ Лев прав. Мне рассказывали, что вы очень хорошо говорите, – включилась в разговор жена Лебедева, с улыбкой глядя на молодого черноволосого подпольщика, – у Шамшиных хвалили вас.

– Итогом вечера стало большее доверие к нам, – улыбнувшись польщённо, сказал Кот, опустошая фарфоровую розетку с вареньем. И тут же поймал строгий взгляд Лебедева, положившего руку на плечо жены.

– Доверие доверием, а приглядываться ко всем новым членам группы нужно особо внимательно: чем сильнее мы воздействуем на пролетариат, тем больше не нравимся охранке, а значит, нужно ожидать внедрения провокаторов.

– Товарищ Гранитов говорит верно, нам особо доверчивыми быть опасно. – Лебедев встал из-за стола и прошёлся по комнате.

– Варенье какое вкусное, – улыбнувшись, сказал Лев, – ещё бы самоварчик! Да хозяйку будить жалко. Она устала, бедная...

– Я к вам пришел не чай гонять. – Лебедев исподлобья оглядел всех. – Вы знаете, что я крайне против грабежей. Мы не бандиты. Народ должен понимать, что дело революции, наше дело – светлое и чистое, и не смешивать идею свержения царизма с каким-нибудь нападением на банк.

– Если откровенно, мне тоже экспроприации претят, – признался Лев, – хотя чистенькими нам не остаться, видит Бог.

– А где средства брать? Или револьверы? – спросил Гранитов.

– Нужно искать поддержку среди капиталистов, – сказал Тигроян

– Кто же будет рубить сук, на котором сидит? – Кот засмеялся и взял один ломтик сахарного печенья.

– Есть и такие, – сказал Лебедев.

– Самоубийцы, – покачал головой Лев.

– Поповский сын никак им сочувствует? – Интонация, с какой Гранитов задал вопрос, не оставляла сомнений: Гранитов духовенство ненавидит. Впрочем, и Лебедев, наверное, способен вызвать у него неприязнь своим интеллигентским обликом и грамотной речью.

– Продолжим о главном. – Лебедев поднял руку, и все замолчали. – Так вот, о чем я. Дружинники другой «десятки» совершили тоже набег на полицию. Их не деньги и не оружие интересовали, а паспортные бланки. Из полицейского управления удалось похитить большое количество чистых бланков, никто там не хватился, поскольку царит неразбериха, стопок сотни... Ваша задача – организовать подпольный «паспортный отдел» и с помощью поддельных паспортов освобождать солдат от военной службы. За освобождение любой здравомыслящий рядовой охотно отдаст своё оружие. Через станцию Обь идут постоянно военные эшелоны, часто они вынуждены из-за перегрузки железной дороги стоять здесь двое-трое суток. В это время вы должны развернуть паспортное дело.

– Хорошо бы еще пресечь незаконную продажу солдатам спиртных напитков, – сказал Лев, – грех спаивать народ.

– Подвыпивший легче согласится взять поддельный паспорт. – Гранитов бросил в пепельницу окурки. – В деревнях бабы, чтобы от мужика помощи добиться, всегда его подпаивают. Народ ведь далеко не прост, спасающие его народники ничего в нём не понимали. Когда при-

дѣт он к власти, барскую культуру вырежет под самый корешок вместе со всеми спасителями.
И правильно делает!

– Не прост-то, не прост. – Лебедев сморщил крупный нос, и лицо его приняло брезгливое выражение. – Да болтлив. Пьяный – конспирации враг.

Глава десятая

Зоя

Май 1904 года. Томск

Вдова Еремеева билась в истерике. Возле неё сидел молодой врач Борис Евсеевич Залманов, голубоглазый полноватый шатен в очках. Будучи студентом, состоял он фельдшером при покойном докторе Еремееве.

Залманов молча смотрел на мечущуюся по комнате вдову, про себя рассуждая, что ливень женских чувств умнее переждать.

– Она вступила в их поганую партию! – кричала Еремеева, обливаясь слезами. – И в первый же день попала в полицию! Это же катастрофа! Позор! Гибель всех моих надежд! Мы были приглашены на именины к брату супруги поручика Бахерева, а Зое вручили на завтра... как это... повестку... на допрос! И мерзкая бумага подписана как раз поручиком Бахеревым! Мне остаётся только умереть от позора!

«Пожалуй, вдова в самом деле скончалась бы прямо сейчас, – с иронией подумал Залманов, – признайся я ей, что состою в томской организации РСДРП и к тому же являюсь кандидатом в члены руководящего комитета».

– Вы должны мне помочь ради памяти моего супруга! Нужно вырвать Зою из клещей этой гнусной организации! Партия называет себя пролетарской, моей девочке там не место!

«Пожалуй, ливень стихает», – мысленно отметил Залманов. Он поправил круглые очки, постоянно съезжавшие с переносицы, и сказал:

– Многоуважаемая Аполлинурия Андреевна, я сделаю всё, что смогу, для вашей Зои. Мне нужно поговорить с ней лично, желательно, чтобы вы отсутствовали, иначе девушка не раскроется передо мной и не поверит моим увещаниям. Хорошо бы устроить нашу встречу завтра вечером, после её допроса в полицию. Зоя будет, конечно, растеряна, возможно, испугана, и легче будет внушить ей верное направление мыслей

– Понимаю, Борис Евсеевич. – Вдова упала в кресло, отчего сиденье жалобно пискнуло, словно в его цветочках таилась мышь. – Я всё сделаю, как вы просите. Приходите завтра, часам к восьми вечера. Я навещу родственницу, а горничную Дусю, она у нас пятый год, чудесная и покладистая девушка, наполовину казашка, заранее отпущу, пусть отдохнёт.

– Вы уверены, что Зоя останется дома?

– Уверена. У её кавалера то ли перелом, то ли вывих ноги. Зоя сама мне об этом сказала. Третий день она об этом паршивом Мишке Гаврилове тоскует, я всё замечаю, что с моей девочкой происходит. Он-то её и заразил вирусом революции.

– А не отправится ли Зоя его навещать как раз после допроса?

– Он живёт где-то у своей тётки, родственницы покойного протоиерея Антония Диева. Его сын, отец Никодим, мой духовник. – Еремеева снова заплакала. – Мишка только записочки шлёт Зое, но не зовёт. Возможно, таится от родни, что член вредоносной партии и девушку туда вовлёт. Такие приличные люди, а он...

– Я слышал краем уха, что Никодим Диев состоит в недавно возникшем Русском кружке, – осторожно заметил Залманов, снова поправляя сползшие с переносицы очки.

– Вы его, наверное, спутали с иереем Никифором, настоятелем Свято-Троицкой церкви.

– Может быть. – Залманов поднялся, посчитав, что пора завершать благотворительный визит – дань памяти доктору Еремееву. – Мне пора.

– Значит, завтра вечером вы придёте?

– Конечно.

– Я надеюсь, Борис Евсеевич, только на вас!

– Что ж ваш духовник не повлиял на этого... на Михаила Гаврилова? – спросил Залманов и торопливо покинул гостиную.

Он потрепал по щеке сочную горничную Дусю, открывавшую ему входную дверь и сверкнувшую игриво белыми зубками. Дуся помнила отдающие болотной тинной поцелуи старого доктора Еремеева и считала добрую барыню глупой, прощавшей измены мужу, думающей только о дочери. Получая жалованье, Дуся, сладко улыбаясь, произносила пару дежурных благодарных слов, а мысленно желала: «Сдохни!» – мечтая, что после смерти барыни сможет тихохонько кое-что из оставшегося от неё прихватить, шальная Зойка и не заметит. «Уж больно мне их шубки нравятся, – признавалась себе горничная, – помрёт Аполлинария, надо будет успеть забрать». Сходила Дуся как-то к цыганке и оговорила Еремееву: жадная да злая. Цыганка пообещала «сделать ей на смерть». Дуся заплатила серебряной ложечкой: собирая кухонный мусор, – ей пришлось теперь и кухарить, поскольку вдова стала ограниченной в средствах и оставила из прислуги одну Дусю, – сбрасывала в мусор очередную серебряную ложечку, вроде как по рассеянности, а потом незаметно вынимала и припрятывала. Еремеева ничего не замечала. Помогая застегнуть пуговицы на спине нового платья Зое, Дуся нахваливала её красоту, хотя, обсуждая хозяйскую дочку со знакомой прислугой из других домов, иначе чем худой оглоблей Зою не звала. Голубоглазый доктор Дусе понравился. У этого поцелуи, наверно, не тинной пахнут, а дорогим вином.

– Дуся! – крикнула Еремеева. – Если принесут Зое записку, не отдавай ей, отдай мне прямо в руки!

– Не в ноги же отдавать, – хмыкнула горничная. – И тут же ответила: – Как прикажете!

Однако записок больше не приносили. Разомлевший от покоя Мишка валялся на диване у тётки Лебёдки, радуясь невольному отдыху от работы и вкусной еде. Суетливая Олимпиада пекла, варила, жарила – только, чтобы её дорогой Мишута был доволен. Отдыхал он и от затянувшегося романа с Зоей. Её партийный пафос, сразу откликнувшийся первым арестом, отдавал театральной ролью. Он и сам был нечужд актёрства, пересмотрел все спектакли театра Королёва, но отражение собственной способности к мимикрии в девушке ему не нравилось, к тому же у неё получалось всё как-то неестественно, слишком демонстративно, без той внутренней затаённости, какая и выказывает в актёре настоящий талант. Нет, идти в артисты Мишка не хотел, слышал, как заезжий режиссёр орал на свою труппу. К тому же ему нравился телеграф: интересно, современно, живо – как работника Мишку уже ценили. Ему удалось открутиться от отправки в Новониколаевск: сослался на семейные проблемы. Правда, Гаев выговорил ему, что у большевика семья на последнем месте, а на первом – революционная борьба. Но устным выговором и ограничился.

– Поедешь всё равно, позже, – сказал спокойно, – вынесу на комитет решение, что отправляем в город на Оби вместо тебя другого. Думаю, ни Броннер, ни Преловский, ни другие комитетчики против не будут. Всё ж таки сами предложили и утвердили мою кандидатуру.

– Вы бы провели с Зоей Еремеевой беседу, – попросил Мишка, – поучили конспирации. В группу-то вы её взяли, а с партийной дисциплиной не ознакомили.

– Принял к сведению. – Гаев кивнул.

Вечером Зоя, наслаждаясь тишиной опустевшего дома, лежала на постели, листая роман Евгении Тур – любимой писательницы матери. Допрос в участке восприняла она как приключение: ей даже понравилось внимание, с каким её расспрашивал усатый поручик Бахерев. Иногда, оторвавшись от очередной страницы, она вставала, шла к трюмо и вглядывалась в своё отражение. Можно ли её назвать красивой? Грудь маловата, ключицы острые, правда, шея длинная ровная... Голова небольшая, нос с легкой горбинкой, совсем незаметной... Подбородок тоже небольшой, изящно очерченный... Пухлые губы, их бы сделать чуть поменьше и поуже...

На дверной звонок она сначала выходить не хотела. Если бы Мишка! Вот бы сладко провели время в пустой квартире! Наверное, Дуська вернулась. И чего фефёле не отдыхается?

Всё-таки пересилила нежелание – открыла. Вошел, не ожидая приглашения, доктор Борис Евсеевич Залманов. Зоя знала его: папин ученик.

– Чаю не предложите? – спросил, снимая пальто. – Май у нас, в Сибири, порой внезапным снежком порадует. Замёрз немного. Ваша матушка дома? Она изволила просить её проконсультировать.

– Вы зря сняли пальто, маман отсутствует, а я на здоровье не жалуясь. – Отражательная по натуре Зоя и сейчас всего лишь отражала своим невежливым обращением бесцеремонность гостя.

– Мне придётся её подождать. – Он прошел в гостиную и уселся к столу. – Всё ж таки не откажите приказать подать чашку горячего чая.

– Горничная тоже отсутствует.

– Тогда я сам пройду в кухню и поставлю самовар. Может, и вы со мной попьёте чайку? Я обязан дожидаться вашу маман.

– Дождитесь! – Зоя, не глядя на гостя, вышла из гостиной и, улёгшись на кровать в своей комнате, снова вернулась к чтению Евгении Тур, ловя гудение закипевшего в кухне самовара, после глухой звук отодвигаемого стула, затем – звякнувшей ложки о фарфоровый край чашки. Какой наглец он, однако! Впрочем, возможно, он дал слово матери, потому и в самом деле считает себя обязанным сидеть и ждать.

Залманов вошел в её комнату неожиданно, присел на кровать, провёл горячей ладонью по узкой щиколотке, выглянувшей мордочкой горностаия из-под шёлкового зелёного подола домашнего платья.

– Я буду кричать! – сказала Зоя гневно, глядя в круглые очки Залманова. В романе, который она читала, была сходная сцена, и героиня произнесла те же самые слова: «Я буду кричать».

– Помилуйте мои уши. – Он засмеялся. – Социал-демократки кричать не должны.

– Что вам нужно? Вы теперь шпик?

– Я теперь твой любовник, детка. – Залманов всем телом навалился на неё, обхватил руками и впился в губы долгим острым поцелуем. Она задыхалась, у него упали на пол сначала очки, потом кожаные осенние туфли, он с силой прижал её худое тело к постели, она ослабла – и не смогла сопротивляться. Когда он получил то, чего желал, прошептала: «Уйдите»...

– Уйду, – сказал он, застегиваясь, – но запомни, детка, если мы тебя увидим с твоим Мишкой, ни тебе, ни ему не жить. А матери скажешь, что я провёл с тобой беседу.

Через три с половиной месяца забеременевшая Зоя вышла замуж за Бориса Евсеевича Залманова. Правда, ходили слухи, вызывая тревогу у вдовы Еремеевой, что у доктора имеются жена и дети где-то под Гомелем, родом-то он оттуда, женился в семнадцать лет, а потом приехал счастья искать в Сибирь, но в Томске его и Зою обвенчали по православному обряду, и это вдову Еремееву успокоило. Она не знала, что у зятя уже есть партийный псевдоним Евсеев.

О РСДРП и он, и дочь теперь молчали.

Глава одиннадцатая Окончание дознания

Секретно

Начальник Томского Губернского Жандармского Управления

Г. Томск

В дополнения донесения лит. А за № 4162

На основании Циркуляра от 5 сентября 1890 года за № 2763 при сем имею честь представить в Департамент полиции протокол примет и 10 фотографических карточек на привлечённого при вверенном мне Управлении к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 252 ст. Ул. О Нак. Алексея Александрова Диева.

Верно: поручик Бахерев

В Департамент полиции.

* * *

Брошюру Толстого Диев не сжёг. Так же, как в прошлый раз, петляя проулками, стараясь не глядеть по сторонам, чтобы себя не выдать, донёс опасный груз до Садовой: быстро дочитать статью он решил у Олимпиады Акинфиевны. Уж родную-то тётку кандидата богословия Никодима Диева, тесно общающегося с епископом Макарием, ни в чем не заподозрят, к ней полиция не нагрянет.

Олимпиада обрадовалась ему, пока она суетилась, на ходу придумывая, чем бы попотчевать гостя, и всё приговаривала: «настрадался наш миленький», Диев провалившись в мягкий диван гостиной, уткнулся в брошюру. Он был голоден и, читая, с автоматическим удовольствием втягивал в себя запах готовящегося пирога с рыбой. И опять читаемое казалось ему правдой:

«Все эти рабочие работают тяжёлую, не свою работу потому, что богатые люди захватили землю, собирают подати и владеют заводами».

«А ведь как верно, – соглашался Диев. – Мне в детстве, помню, жалко было оборванных, замученных мужиков, приходили они к отцу, то в саду покопают, то что-то починят – и всё за копейки. Земли у нас самих, правда, было немного... Конечно, некоторые из крестьян выбились в собственники, разбогатели и стали эксплуататорами, да еще какими, без капли жалости к своим беднякам-родственникам. Но ведь своим трудом всего добились не как неработающая дама на иноходце, дороговизной своей шляпки и английского стика-хлыста вызвавшая возмущение Толстого».

«А между тем ни владение землёю, ни сборище податей и пользование ими, ни обладание произведениями и орудиями труда людьми неработающими не имеет никакого оправдания. Владение землёю не работающими на ней не имеет оправдания потому, что земля, как вода, воздух, солнечные лучи, – составляет необходимое условие жизни каждого человека и потому не может быть исключительной собственностью одного».

«Так вот почему статью запретили, – догадался Диев, – посчитали, что граф призывает к национализации всей земли. А ведь умнее было бы не запрещать, а подвергнуть в газетах всенародному обсуждению, собрав мнения как людей из правительства, так и представителей всех сословий. Заодно и полиции. – Он зябко поёжился. – Работы бы поубавилось: настроения в обществе прозвучали бы открыто. Выходит, слаба власть, коли боится свободного слова. И Мишка прав – царизм обречён».

И опять Диев поразился: стоило вспомнить брата жены, как возник он на пороге квартиры Олимпиады Акинфиевны, своей тётки Лебёдки. Пospел пострел прямо к пирогу.

– Дочитал я Толстого. – Диев отдал брошюру Мишке. – Благодарствую за просвещение моего смутного разума. Как говорится, да скроется тьма.

– И что? Теперь свеча горит?

– Похоже, да. – Диев по-воробыному вспорхнул с дивана, увидев, что стол накрыт. – Граф всё верно изложил.

– Позвал бы вас в нашу партию, но вы неблагонадёжный, – засмеялся Мишка и первым ухватил кусок сочного пирога, – если второй раз попадёте, и Шурочке достанется. Придут в дом с обыском.

Вспомнив о молоте Шурочкиного бедра, Диев сгорбился, ощутив себя огарком свечи.

– Честно говоря, то, что ограничились только изъятием вещественных доказательств у вас лично, это удивительно. Обычно с обыском являются и весь дом переворачивают. Явно кто-то заступился за вас.

– Так это ж Никодим за Алексашу просил. – Олимпиада Акинфиевна тоже села к столу, сразу придав ему уютную семейственность. – Он с чиновником Силиным близко знает, а тот с головой нашим Макушиным, вот и решили ограничиться личностью обвиняемого. Кушайте, мои дорогие! Что миновало, за то и слава богу.

По дороге домой Диев опять вспомнил безобразную вчерашнюю сцену. Ноги его до сих пор болели. Хорошо, не в ступнях, иначе бы и ходить не смог. Он не испытывал к Шурочке неприязни – ненависть и злые чувства почему-то не были свойственны ему вовсе. Не было и острой обиды: грубая реакция жены – следствие материнского страха за детей, Диев это понимал. И даже винил себя: в самом деле, нельзя было приносить в дом запрещённую брошюру. Он любил своего сероглазого мальчика, тонким личиком напоминавшего ему младшего брата, любил и дочек: средняя, Стеша, названная в честь Стефаниды Акинфиевны, копия Шурочки: бойкая, черноволосая, озорная, за неё душа его спокойна. А вот младшая, Ирочка, слабенькая, пугливая, не в породу Гавриловых, в ней чудилось ему что-то общее с его собственной покойной матушкой, такой боязливой, что даже общество офицерских жен её тяготило, всё ей мерещились насмешки над их невысоким положением в обществе. Нет, обиды на Шурочку не было. Только душа его после её побоев словно потускнела. Потускнел и мир вокруг. Диев задержался на своём любимом Аптекарском мостике и отметил с тревогой: милых, недавно прилетевших в город уток, он сейчас видит в сером тумане. Огляделся, поднял голову: день ясный, никакого тумана нет, значит, отпечатался на пейзаже оттиск тусклого стекла его собственной души. Подумал с каким-то блёклым равнодушием: «Не прыгнуть ли в воду – и навсегда уйти от этого тусклого дня, от раздражённой Шурочки, от несправедливого мира, где жестокая дамочка может ни за что отстегать дорогим английским стик-хлыстом хорошего русского мужика, виновного лишь в том, что родился в нишей избе, а не во дворце, построенном на деньги, по сути, отнятые у вереницы его предков».

Диева, скорбно застывшего на Аптекарском мостике, увидел проезжавший мимо его дворянский брат, Никодим, поспособствовавший, как выяснилось, смягчению дознания. Расплатившись с извозчиком, он вышел из экипажа и, взойдя на мостик, осторожно тронул Диева за руку.

– За сводками с фронта следишь? – спросил, надеясь сильной дурной вестью отвлечь Диева от его печальных размышлений. – Ещё в феврале уничтожено несколько лучших кораблей нашего Тихоокеанского флота. И Япония продолжает атаковать.

– Лучших кораблей? – переспросил Диев тихо.

– Англия начала поставлять Японии современное оружие, Россия была к этому не готова. Епископ Макарий предупреждал, разумеется, в частной беседе, что России нужно решить

споры с Японией дипломатическим путём. В конце концов, можно было спорные территории просто выкупить. Россия бы не обеднела. Война всегда обходится много дороже.

– Богатство любой страны – её люди. . .

– Именно. А первых раненых уже доставляют в Сибирь. Надюша теперь сестра милосердия, дни и ночи в госпитале.

– Надя? – удивился Диев, ощутив, что тусклая дымка, окружавшая его, начинает рассеиваться. – Так неожиданно.

– Я, признаться, тоже был сначала удивлён, но чуть позже понял: она искала жертвенности, томилась от бессмысленности обывательского покоя. Теперь Надя чувствует себя нужной, и это, несмотря на всё, прекрасно. Женская добрая сила способна лечить без лекарств.

– А я, наоборот, ощущаю себя ненужным, – признался Диев, тут же пожалев, что приоткрыл душу.

– Это у тебя, Алексей, скорее всего, от пережитого, – сочувственно сказал Никодим, – общение с полицией приятных дум не навевает.

– Олимпиада Акинфиевна мне сообщила, что ты помог мне. . . Спасибо.

– Помог чиновник Силин. Я во время учебы в академии посещал иногда лекции профессоров Казанского университета, там был, тоже вольнослушателем, его дальний родственник, теперь благочинный в Енисейской епархии. Наш Силин – абсолютный либерал, потому сразу выразил готовность помочь. Это было ему нетрудно: сестра его замужем за жандармским полковником Ромашовым.

– Ромашов перепоручил вести дознание поручику Бахереву.

– Полковник занемог. Силин уверен, заболел шеф жандармов от переживаний из-за плохих вестей с фронта. Все ждали молниеносной победы. . . Мне же думается, сильнее его тревожат прокламации на каждом углу и речи студентов на собрании университета. Открыто ведь призывают к смене строя.

– Это всё Толстой, – сказал Диев, – ему верят. Ты читал статью «Неужели это так надо?».

– Читал. Но расшатывает стены не он один. К сожалению, многие. В разных слоях общества накопилось желание мести самодержавию: у большинства – за нищету и несправие, у других – за черту оседлости и погромы, у кого-то – за то, что русские пришли на землю их предков. И всех можно понять: несправный русский мальчонка, обречённый на нищету с рождения, став взрослым, винит в своём униженном состоянии любого интеллигента и ненавидит его, еврейский парнишка видел, как избивали его отца и крушили лавку с товарами, потому отравлен страхом и готов с болью мстить за свой народ, остяцкий подросток, помнил, как его мать плакала, найдя сокрушённого деревянного идола, и теперь он считает любого казака – врагом. Несколько умелых газетных статей – и может возгореться страшное пламя ненависти, сжигая всё на своём пути, уничтожая нашу уникальную русскую культуру, мировую ценность которой способны, к сожалению, видеть только самые умные и образованные люди. Вот пример: многие сибирские ненцы до сих пор пользуются первобытным письмом – картинки рисуют вместо слов, оставляют знаки на деревьях и по ним узнают новости, а священников, обучающих грамоте, убивают. . .

– Обиженный не всегда зол.

– Не всегда. Опасно другое: тёмные чувства: обиду, страх, ненависть, зависть, – испокон веков используют разжигатели смуты, поднимая со дна общества всякий сброд. А гибнут лучшие люди. Важно очистить общество от налипшей нечаевщины. Жалею я, Алексей, по-христиански всех, но время сейчас для России тревожное, потому вступил я в «Русский кружок». Задача наша – сохранить монархию, укрепить православие через свободную церковь, вернуть сердечное понятие «народность». Я убеждён, что создание областных земских соборов и Государственной Думы – спасение России от власти бюрократической олигархии и от народной

бедности. В Думу должны входить получившие свободу слова народные представители, честно и открыто избранные.

– Выходит, Толстой правду написал?

– Толстому-то что? Гений играет! Клеймит владельцев земли, а сам ею же и владеет.

– А я ведь раньше его статью не читал. При дознании мне, конечно, не поверили, но допытываться не стали.

– Твоё дознание должны вот-вот прекратить.

И, действительно, дело Диева вскоре было поручиком Бахревым завершено, о чем он уведомил Департамент полиции, в свою очередь через два месяца уведомивший начальника Томского Губернского Жандармского Управления о прекращении производства.

* * *

*Департамент полиции г. Томска
Августа 5 1904 г.*

По состоявшемуся соглашению Министерств Внутренних Дел и Юстиции, произведённое в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. при Томском Губернском Жандармском Управлении дознание по обвинению отставного Титулярного Советника Алексея Александрова Диева в хранении изданий противоположительственного содержания дальнейшим производством прекращено.

О изложенном Департамент полиции сообщает Вашему Высокоблагородию для сведения, присовокупляя, что распоряжение об отмене принятой в отношении названного лица по дознанию меры пресечения последует со стороны Прокурора Омской Судебной Палаты.

№ 2155

Г. Начальнику Томского губернского Жандармского Управления.

Глава двенадцатая

Два человека

Август 1904 года. Ново-Николаевск

В Новониколаевск Мишку отправили на выходной – поручили отвезти литературу и прокламации, напечатанные в томской типографии. После травмы ноги он чуть прихрамывал – и это ему даже нравилось: он представлял себя Оводом. Роман Войнич с восторгом читали юные подпольщики, жаждущие подвига и не боящиеся гибели «за идею». Мишка погибать не хотел. И честно себе в этом признавался. Ночь в жёстком вагоне не сказалась на его активной натуре: передав брошюры и листовки фельдшеру станции Обь, Мишка решил пошататься по городу. В Новониколаевске он был впервые, а всё новое представлялось ему интересным. Он прошёлся по невзрачным улицам, с любопытством заглянул в пару лавок, отметив, что в них много деревенских продуктов: неошпианных кур, грязноватого картофеля, поджаристого хлеба, – затем оглядел центральную площадь, прогулялся по Николаевскому проспекту, единственным украшением которого был собор Александра Невского, недалеко от него заметил вывеску магазина Кетова и, зайдя, присмотрелся к товарам и там. На Вокзальной улице обнаружил винный погребок, чуть поодаль – клуб железнодорожников. Похоже, городок вырос как приложение к дороге... Непонятное чувство то ли узнавания, то ли предвидения возникло лёгким облачком и заставило Мишку остановиться на Переселенческой, ничем не выделяющейся из других серых улиц. Что здесь? Ничего. По сравнению с Томском, с его прекрасным Троицким собором, выверенными зданиями мужской гимназии и губернского казначейства, с его библиотеками и университетом, галантерейными магазинами и деревянным кружевом домов, этот прильнувший к вокзалу полугород-полупосёлок, при беглом знакомстве казался архитектурно убогим. Но, стоя на зелёной лужайке посреди скучной улицы, Мишка вдруг ощутил какое-то незримое движение пространства, – такого движения не было в застывшей привлекательности Томска. Здесь точно пробуждался невидимый мощный поток, которому суждено родить из своих волн город-гигант. Мишке почудились людские толпы, высокие дома, огромные заводские трубы. Томск родился, вырос, возмужал и, достигнув достойной зрелости, уже не таил в себе будущего, исподволь пробуждающегося в этом гадком утёнке Новониколаевске.

Вечером Мишка встретился с Лебедевым. Квартировал тот недалеко от станции, в доме зажиточного извозчика, разумеется, не знавшего о подпольной роли жильца, ставшего одним из руководителей недавно оформившейся, принявшей свой устав Обской группы социал-демократов. Кроме Лебедева за столом сидел интеллигентного вида молодой мужчина, назвавшийся учителем начальной гимназии Поповым. Он убеждал Лебедева в том, что линия партии слишком радикальная, нужна Государственная Дума, состоящая из народных избранников, тогда и свержение власти не потребует, сохранившиеся монархии в Европе никто не расшатывает именно потому, что мнение народа там не пустой звук. Учитель говорил торопливо, нервно, глотая окончания слов.

– Поешьте, Михаил, вы же с дороги, – не реагируя на горячий монолог Попова, пригласил Лебедев, – чем богаты, как говорится, тем и рады. Колбаса свежая, сельская, привёз наш товарищ, масло и хлеб, правда, из лавки, но сегодняшние, утренние, чай китайский очень неплох.

– Вы меня совсем не слушаете! – вспылil учитель.

– Слушаю. – Лебедев нахмурился. – Однако категорически не согласен. Вы рассуждаете не как преподаватель, а как безусый гимназист. Пока дом крепок, можно какие-то неполадки в нём: пятно на извёстке или отклеившиеся обои, – легко исправить, можно и ступени лестницы подремонтировать, а вот, если фундамент трещину дал или полностью прогнил, никакой ремонт не поможет. Нужно дом сносить и строить новый. С царизмом именно так.

– При сносе тоже не все средства допустимы. Надеюсь, вы не поддерживаете призыв томских революционеров проникнуть в Госбанк и совершить кражу денежных средств?! С такой политикой мы рискуем лишиться поддержки большинства представителей разночинного слоя.

– Не поддерживаю! И прямо говорю об этом. А вот, к примеру, Гаев, вы его видели в Томске, считает, что при сносе дома все средства хороши. Чем быстрее, тем лучше. Для него убийство жандарма – всего лишь освобождение места для рождения ещё одного борца с царизмом. Есть ли у жандарма семеро по лавкам, нет ли – Гаева не волнует. Он, по примеру эсеров, приветствует террор. Без лишних раздумий.

– А такая добрая улыбка у Гаева, – удивился учитель, – кровожадности никак не соответствует.

– Понимаете, – Мишка утолил голод и охотно вступил в разговор, – в Гаеве два человека: один – открытый, доброжелательный, настрадавшийся в детстве. А второй... как бы это сказать точнее? Второй – не человек, а революционный механизм. Первый гораздо слабее второго. И постепенно механизм его стирает как ненужного.

– Всё верно. Я и в себе такой механизм чувствую, – согласился Лебедев, – только называю его, Михаил, более романтично: зов революции. И этот зов сильнее меня. Иногда мне кажется, что он обтачивает меня, как токарный станок, очищая от всего лишнего.

– И что же вам представляется лишним? – спросил Попов, потирая тонкими пальцами затылок.

Мишка встал и обошёл круглый стол: долго сидеть на одном месте было ему тягостно – юные ноги спешили куда-то бежать, поднимая худощавое тело. Коротковатые ноги Лебедева, наоборот, словно вращались в пол, стремясь прочно укорениться. Рядом с лебедевской монументальностью вспотевший затылок учителя показался Мишке младенчески беспомощным, словно между пространством и его русыми влажными волосами не было невидимой преграды сознания, защищающей его жизнь.

– Искоренил я, к примеру, тягу не к тем особам женского пола.

– Неужели тянуло вас к продажным женщинам?

– Продажными их делает хищнический строй. Вспомните Сою Мармеладову. Имею в виду я совсем других. Меня как дворянина влекли барышни моего круга, а ныне замечаю только тех, кого ведут по жизни не романы барина Тургенева или стишки в альбом, а программа марксизма.

– Девушка без поэтического ореола превращается или в самку, – сказал Попов, – или в мужика.

– Даже, коли так, теперь мне ближе мужик-партиец, чем вздохи при луне.

Несгибаемая упёртость Лебедева и мягкотелость Попова варились в одном партийном котле. «Что в результате получится? – спросил себя Мишка. – Каменная плита, на которой воздвигнут новое здание, или сыпучий песок, поглощающий всё и вся?»

Он простился и ушёл. Хотелось перед поездом ещё побродить по городу. И на вокзал нужно прийти пораньше: солдатские эшелоны могут перекрыть все пути, спутать движение поездов, тогда придётся думать, как добраться в Томск вовремя, чтобы не опоздать на телеграф. Он бежал по Переселенческой, почему-то казавшейся уже почти своей, решив сначала навести справки – вовремя ли отойдёт поезд в Томск.

– Пока расписание не меняли, – сказал измождённый старик, выглянув из окошка тесного зала ожидания. В помещении стояли и сидели на узлах люди. Были среди них и солдаты. Мишка заметил двух раненых: одного – на костылях, другого – с перевязанной рукой. «Счастливы, наверное, что не в списке убитых», – подумал, выходя из душного зальца на воздух. Уже вот-вот начнёт смеркаться, а он еще не увидел чудо-Оби. Нужно спешить.

Река открылась ему неожиданно: завернул за какое-то бесцветное здание – и остановился. Так вот она! Река Обь. Какая мощь и какая, наверное, глубина. Он стоял и смотрел на

тяжёлую свинцовую воду, на сизый отсвет на гребнях невысоких волн, – противоположный берег дымчатой полосой уходил к серому небу, а мелкие облака над водой складывались в какие-то древние письмена, в книгу вечности. И впервые Мишка ощутил кратковременность человеческой жизни, и его собственный революционный азарт показался на фоне этого гордого равнодушного течения волн совершенно чуждым и воде, и земле, и небу. Что есть жизнь? Зачем человек? Не затем ли, чтобы вложить в природу часть себя? Разве само небо способно видеть облака, как плывущие письмена? Разве не наделяет человек реку или камень живой душой? Об одухотворении мира как-то говорил Никодим Диев.

А если тот же механизм, что обтачивает души Лебедева и Гаева, названный Лебедевым «зовом революции», разрастаясь до гигантских размеров, сточит во всех людях всё человеческое, не станет ли человек не нужным природе? Не уничтожит ли она его? Мишка никогда не думал о жизни с такой серьезностью: может быть, сама эта великая река передаёт через него своё предупреждающее послание?

Торопясь на вокзал, он отвлёкся от размышлений. Осталось лишь чувство чего-то глобального, к чему он прикоснулся мыслями, стоя на берегу и глядя на волны. И крутилась в голове фраза: нет, стать рабом механизма не хочу.

В вагоне – отправку поезда, к счастью, не отложили и не отменили, – он вспомнил с сожалением, что Зоя теперь замужняя дама, её супруга, доктора Залманова, он увидел на собрании и признался себе, что тот подходит Зое больше, чем он сам, бедный телеграфист. А как откровенно и щедро она дарила ему себя! Его порой утомляла её готовность бесконечно целоваться и завершать поцелуи в любом месте, где их застанет порыв чувств. Зое нравилось вызывать недовольство богомольных старушек: при них она обнимала Мишку с особым вызовом. Нравилось признаваться священнику в своём свободном отношении к половому вопросу. Иногда Зоя напоминала Мишке сестру Шурочку, тоже любящую сотрясать воздух. Свою нереализованную тягу к театральным жестам, Шурочка вымещала на бедном Диеве, в общем-то, хорошем человеке. Мишка, вспомнив о дознании, ощутил некоторое смущение: зачем втянул его? Теперь Алексей Александрович, прочитав статью Толстого, просит «Искру» и готов участвовать в собраниях и стачках. Пожалуй, не стоит ему давать газету... Таким, как Диев, с революцией не по пути: механизмы быстро сомнут его, как взросшую на дороге чахлую траву.

Глава тринадцатая

Вера

Осень 1904 года. Томск – Ново-Николаевск – Томск

Мишка еще пару раз съездил в Новониколаевск. Литературу и прокламации, напечатанные в томской типографии, по-прежнему забирал станционный фельдшер, приятный усталый человек, нравящийся Мишке. Лебедев, который временно находился в Томске, как-то обмолвился, что фельдшер – родственник новониколаевского лесопромышленника Когана, иногда оказывавшего финансовую помощь социал-демократам.

– Буржую-то что не живётся спокойно? – удивился Мишка. – Чего ждёт от нас?

– Того же – свержения монархии.

– Надеется, что за помощь его лично не тронут?

– Думаю, он сможет очень быстро разбогатеть на обломках империи и сразу уедет в какую-нибудь Америку.

– А мы?

– А мы, возможно, погибнем. – Лебедев произнес эти слова спокойно. Видимо, чертёж своей жизни он выстроил давно, и гибель как вариант завершения сходящихся линий была обозначена в одном из вариантов чертежа условным знаком. – А после на обломках самовластья напишут наши имена.

Мишка отдал фельдшеру пакет и, выйдя на станцию, вспомнил тот разговор с Лебедевым, снова уловив в душе тихий гул протеста: нет, он не хочет погибать, он выживет, ему интересно увидеть, что вырастет на руинах монархии. О том, что самодержавие становится всё дряхлее, иногда с горечью говорил даже кандидат богословия Никодим Диев. Появление в Петербурге старца Григория Распутина, о котором доползли слухи и до Томска, Диев посчитал неслучайным: многовековая русская тоска о жизни по правде извлекла Распутина из самой глубины народной жизни. А русская тоска или рождает гениальные творения, или вызывает разрушительные тектонические сдвиги.

Через Новониколаевск шли поезда на фронт. И сейчас на станции стоял военный состав: возле курили солдаты, рассыпавшись по перрону неровными гроздьями, кто-то громко смеялся, кто-то говорил, кто-то молчал; смех, разговоры и даже молчание, отделяясь от людей, повисали в воздухе над вокзалом, а после медленно уходили куда-то вдаль и рассеивались. Жизнь каждого второго солдатика уже упиралась в близкий определённый конец: гибель или ранение. Многие были чуть старше Мишки, которому только в феврале следующего, 1905 года, должно было исполниться семнадцать, хотя отвечая фельдшеру на дежурный вопрос о возрасте – ради конспирации приходилось изображать недомогание – он привычно прибавил себе год.

В прошлый приезд Мишка видел санитарный поезд – хорошенькое личико сестры милосердия, стоящей на подножке, напомнило ему Зою. «Нет, если жениться, – подумал тогда, – только на образованной девушке, мне, хулигану-недоучке, следует подобрать себе более культурное дополнение. Скучно, если жена будет, подобно Шурочке, повторять только призывы листовок. Как сказал встреченный у Лебедева учитель Попов? Женщина без ореола поэзии – самка или мужик в юбке. До женитьбы пока далеко, а вот закрутить амурную интрижку всё-таки хотелось бы».

Шурочка замечала, младший брат скучает по изменнице Зое – видела её с ним пару раз и, не испытывая к бывшей гимназистке никакой симпатии, была довольна завершением Мишкиного романа. Пересуды о наличии у доктора Залманова жены где-то под Гомелем, плутовавшие по томским улицам, обрадовали Шурочку как заслуженное наказание вертихвостки: то, что Мишка избавился от неё – хорошо, но и проучить её стоило. Пусть теперь живёт с обманщиком. Познакомить Мишку с племянницей священника Чистякова, Верой, надоумил Шурочку

муж. Мишка никак не давал ему «Искру», которую тот у него просил втайне от жены. Газету постоянно поставляла в Томск конспиративная сеть, протянувшаяся уже по всей центральной России и, как птичья стая, перелетавшая Уральские горы. Диев рвался на партийные собрания и упорно просил принять его в члены группы РСДРП. «Вот навязался на мою голову, – досадовал Мишка, – ну, не могу я его рекомендовать». Лебедева и Гаева он предупредил: муж сестры рвётся к нам, но совершенно не подходит для революционного дела. И к тому же до сих пор под надзором полиции.

– Понял тебя, – сказал Гаев. Его щедрая белозубая улыбка уже привлекла в партию нескольких девушек. – Хотя сам факт такого воодушевления нельзя не поощрить. Как-нибудь можно позвать его на городскую сходку.

– Правильно, – согласился Лебедев, – пусть ощутит себя нужным.

...Вера не так давно окончила епархиальное училище, – в нём получали образование девочки из духовной среды. Её отец скончался, когда единственной дочери было пять, мать еле-еле сводила концы с концами, – от мужа ни денег, ни собственности не осталось. Отец матери, управляющий железодельного завода в Енисейской губернии, первое время помогал, у него Вера жила до одиннадцати лет. Вдова всё это время искала средства на жизнь, пробовала, да так и не научилась шить шляпки, и в конце концов пристроилась в одну из народных библиотек, основанных Макушиным-старшим. Обучали Веру в епархиальном училище за казённый счет, поскольку семья потеряла кормильца. Обе дочери деда вышли замуж за священнослужителей: старшая – за священника-миссионера Силина, младшая, мать Веры, – за томского диакона, служившего при родном брате – священнике Чистякове.

По сравнению с озорной Зоей, склонной к эпатажу и к поцелуям на публике, Вера в глазах Мишки сильно проигрывала. Он моментально угадал застенчивость и неуверенность, определяющие её поведение. Картина Вериного мира начинала дрожать и терять чёткость от любого резкого слова, от взгляда, брошенного бесцеремонным прохожим. Вера считала себя некрасивой, к тому же мучилась от социальной незащищённости. Быть выпускницей епархиального училища казалось ей почему-то почти что стыдным. Лишённая червоточины зависти, она идеализировала гимназисток, представлявшихся ей принцессами, а себя видела простой томской девушкой. А ведь по натуре – Мишка это чувствовал – была отнюдь не простой, много сложнее той же Зойки. Вера и читала не одни женские романы, она любила Тургенева, тянулась к Достоевскому, прятала в медальоне не свой детский локон, как Зоя, а крохотный портретик поэта Лермонтова. Однажды на прогулке, остановившись на мостике над Ушайкой, Вера рассказала Мишке, как жила у деда в сельской усадьбе. Дед уже взрослым сдал экзамен сначала за гимназию, а затем – на должность инженера.

– Он – самородок, сирота, его обучили грамоте ссыльные. В доме деда я пристрастилась к чтению: у него большая библиотека.

Чуть позже Вера показала фото: грузный молодой человек в хорошем костюме, в полуботинках, сидел в центре группы мужчин. Трое стояли позади, двое сидели с ним рядом.

– Это миллионщики, сидит справа – Гадалов, слева – Шерстобитов, остальных не знаю.

– А я и этих не знаю, – засмеялся Мишка. – Дед твой выглядит на фото, как статский советник, а вот двое, что за ним, похоже, недавно с кистенём на дорогах шуровали.

– Гадалов – самый богатый человек Красноярска. А Шерстобитов – владелец нескольких золотых приисков и завода, где дед служил управляющим. Они все уважали деда за ум. И всё-таки...

– И всё-таки что?

И Вера рассказала ему, как пригласили её, девятилетнюю, на Рождество в дом к Шерстобитову. Ей запомнились тяжелые бархатные шторы просторного зала, высокая ёлка, украшенная множеством игрушек, крохотные свечи на пушистых ветках, огромный чёрный рояль и

тихо что-то наигрывающий молодой мужчина. Дед потом назвал его «политическим» – ссыльным дворянином.

– И особенно ярко помню шумных детей и очень толстых женщин, пышно одетых. Они были детьми и жёнами тех мужчин, что на фото с дедом. Мужчина за роялем перестал играть, подсел к столу, где чего только не было. Меня поразили оранжевые апельсины и огромный торт в виде башни с часами. Прислуга внесла в зал подарки. Девочкам толстых дам жена Шерстобитова вручила великолепных кукол. Одна кукла, в розовом шелковом платье и чепчике, когда девочка её наклонила, произнесла: «Мама», другая выглядела как прекрасная невеста – вся в белом кружеве... А мне как дочери не миллионщика, а всего лишь управляющего заводом вручили какую-то тёмно-зелёную коробочку. От огорчения я даже не стала её открывать, положила на стул. Наверное, не прошло и пяти минут, как на этот стул опустилась огромная толстая дама и своей тушей раздавила мою коробочку. Так и не знаю, что мне тогда подарили. И почему-то никак не могу забыть то давнее грустное Рождество.

– Знаешь, – Мишка посчитал эпизод с подарком пустячным, однако уловил его важность для взросления и превращения Веры в неуверенную в себе девушку, – если бы я стал собирать в своей памяти обиды, собрал бы целый ворох – не донёс бы.

– Куда?

– Что – куда?

– Куда не донёс бы?

– Никуда. – И они засмеялись, впервые поглядев друг на друга с симпатией.

Теперь вечерами Мишка и Вера гуляли по заснеженному ноябрьскому Томску. Перейти к поцелуям Мишка не решался. Да и не сильно ему этого хотелось: Зойкино тело звенело током пробудившейся женственности, будоража, вовлекая в чувственное кружение, а Верина женственность таилась под снегом бутоном цветка, опасаясь выглянуть и обжечься холодом. Но Зойке, несмотря на её озорство с наклеиванием на столбы прокламаций, – каждый раз она проделывала это с насмешкой над стражами порядка, – он вряд ли мог бы довериться полностью, вряд ли мог ей сказать дружески: «Ты – мой товарищ», а Вере – мог. И однажды спросил тихо:

– Ты ведь мой товарищ, Вера? – Она покраснела – или это игривый морозец отпечатал вместо Мишки два поцелуя на её щеках – и кивнула. – Тогда я тебе кое-что дам почитать. – Мишка достал из кармана последний, дошедший до Томска номер «Искры». – Только своей маме не показывай, а не то испугается. Здесь статья Плеханова. Ты читаешь много, но его вряд ли знаешь. Прочитай. Тоже, как твой дед, очень умный человек. Мне говорили, его наш ученый Потанин уважает.

– Маме газету не покажу, но ты зря опасешься, – улыбнулась Вера, – в их библиотеке все прогрессивные, и директор восхищается Потаниным, хотя идеи областничества не поддерживает, считая, что, отделись Сибирь от России, её разорвут на две части: Америка и Китай. Я часто в библиотеке бываю, книги беру, слушаю лекции. Узнаю много чего полезного... А теперь почитаю и Плеханова! Не говорила тебе, что надеюсь поступить на Бестужевские курсы?

Первого декабря Мишка и Вера вместе пришли на открытое собрание в Технологический институт. Зал был полон.

– Не меньше трех сотен, – шепнула Вера, – смотри, и старик Потанин здесь.

Собрание приняло резолюцию: «Уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания, прекращение войны, полная свобода и гарантия свободы личности и утверждение демократической республики с законодательной властью в руках народа»

Глава четырнадцатая Жертвы

Январь 1905 года. Томск

Расстрел мирных демонстрантов в Петербурге 9 января потряс всех.

– Какую страшную ошибку совершил Николай, – говорил за обедом в доме сестры чиновник Силин, – жалко погибших людей, но еще жальче народную веру в царя-батюшку, заступника и защитника, ведь в русскую веру стреляли.

– Всё ваша интеллигенция, расшатывали лодку, вот и аукнулось, – пробормотал полковник Ромашов, доставая из серебряного портсигара папиросу «Герцеговина Флор».

– В данном случае вы, Андрей Петрович, совершенно не правы. Да и в принципе тоже. Я считаю интеллигенцию лучшим слоем нашего общества: наиболее культурным и честным, бескорыстным, думающим о народе.

– Тонко слой лучших. Зато худших не счесть. Сейчас ведь вся нечисть поднимется со дна, используя расстрел как предлог. По вине этого попа Гапона, который народ повёл на поклон к царю, начнут клеймить православие, из всех щелей, как тараканы, вылезут революционные подонки, считающие вполне допустимым ограбление отделения Госбанка или оружейного магазина... Мне уже донесли, назавтра назначены в зале железнодорожного собрания доклады, уверен, будут призывать к демонстрации памяти жертв или к забастовке. И, конечно, возбудят служащих Сибирской железной дороги. Опять придётся срывать их ядовитые, как ртуть, листовки. Уже наизусть их выучил, обычно они двух типов: «Назад, солдаты! Назад, братья!» или «Долой самодержавие!». А запретить собрание, – Ромашов покраснел от гнева, – только усилить их протест.

– В этом вопросе вы совершенно правы: любой запрет вызывает желание поступить ему вопреки. Я сам поднял две прокламации. – Силин извлёк из кармана помятые бумажки. – Всё, как вы говорите, Андрей Петрович. Позвольте, прочитаю.

– Уж удовлетворите моё любопытство. – Брови Ромашова побагровели.

– *«Братья-солдаты, дружно выходите на улицу и смело соединяйтесь с рабочими и студентами под красным знаменем социал-демократии!»*, вторая – совсем короткая: *«Да здравствует революция по всей России!»*

— Казнить и сослать безжалостно!

– Андрюша! Это бесчеловечно! – воскликнула до того молчавшая супруга Ромашова.

– А бомбы бросать, Лиза, по-твоему, человечно?! – Полковник вдохнул папиросный дым и закашлялся.

Утром, 19 января, Ромашов позвонил поручику Бахереву и прокричал, пытаясь удержать в руках прыгающую трубку телефона:

– Началось! Эти сволочи православный обряд почтили своим шествием: сегодня девять дней с петербургской трагедии! Шествие двинулось вниз по Почтамтской. Срочно конно-полицейскую стражу к Пассажу Второва! Пришла телеграмма от министра внутренних дел Святополк-Мирского: «Принимайте самые энергичные меры к недопущению беспорядков».

– Оружие?

– Надеюсь, до этого не дойдёт.

– А если провокации?

– Только в ответ. Хотя я бы их всех...

Трубка всё-таки выпрыгнула из ладони полковника. И он, не завершая разговора, упал в кресло. Позвал:

– Лизонька, воды. – Жена поспешно вошла с полным стаканом. – Опять бунт в городе, – прошептал Ромашов. Струйка воды из стакана, сверкнув в зимнем свете окна, выплеснулась на ковёр. – Поддай, будь добра, ещё... Я невероятно устал.

...Мишка опоздал – подбежал уже к строящемуся Пассажу и поразился: какая огромная толпа! Собралась тысяча, наверное! Его задержала тётка Лебёдка рассказом о раненом прапорщике, которого выхаживает Надя.

– Он и говорить-то не мог, а Надюша всё возле него сидела ночи напролёт, руку ему гладила. И вот вчера он ей улыбнулся и еле слышно произнёс «Спасибо, сестричка».

В первом ряду демонстрантов атели три знамени. Один красный флаг гордо держала Зоя. Мишке вспомнилась черно-белая картинка из какого-то журнала: полуголая женщина на французских баррикадах зовёт народ за собой. Зойкин живот выдавался вперёд, выходит, вот-вот родит. Дома ей не сидится, вечно лезет на рожон! Подумал о Вере: «Не видел её два дня... Здесь она? Вряд ли».

За первым рядом колыхалось живое людское пламя, как искры, в морозный воздух взлетали призывы: «Долой самодержавие!», «Остановить войну!», «Да здравствует Учредительное собрание!».

– Разойтись! – кричали полицейские. Казалось, кони под ними воспламеняются от людского огня. – Разойтись!

Внезапно раздался выстрел. Тени коней заплясали на снегу. Стреляли из толпы, ещё один выстрел, потом ещё, всадник, оказавшийся напротив Зои, покачнулся, тяжело осел и свесился с лошади плохо закреплённой поклажей.

И тогда полиция открыла ответную стрельбу.

В этот момент Мишка увидел доктора Залманова.

Залманов пронёсся мимо полицейских, врезался в волнующуюся толпу, прижал к себе Зою, закрыл её собой.

Выстрелы снова прогремели. Толпа начала распадаться, откатываясь дробящимися гаснущими потоками назад и в стороны.

Мишка, незаметно скрывшись, пробежал закоулками и вернулся к тётке Лебёдке. Почему он решил не оставаться на срочную вечернюю сходку группы РСДРП, не понимал сам. Смутные чувства бродили в его душе. Картины только что виденного наплывали на него, мешая сосредоточиться и понять причину собственного побега. Вот падает знаменосец Кононов, стоявший в первом ряду, недалеко от Зои, вот подгибается нога раненого коня, вот на белом снегу чей-то потерянный картуз... И лишь одно чувство проступало совершенно отчётливо: ему не нравилось кровопролитие. Он... Он не способен убить.

А Гаев? Гаев, несмотря на свою открытую улыбку, способен. А Лебедев? Он же интеллигент, и что?

Олимпиада Акинфиевна внесла пирожки, и сразу стало в гостинной тепло. Мишка улыбнулся.

– Давай-ка, дружок Мишута, почаёвничаем. Небось замёрз на своей демонстрации? Что там было-то?

– Стреляли. Не знаю, убили или только ранили нескольких человек.

– О, Господи! Войны с Японией людям, выходит, мало. Наденька каждый раз плачет, когда солдатик умирает

– А тот, что заговорил, выживет?

– Она уверена: выживет. Скоро домой поедет. Он издалека, с Новгорода. Обещает Наде писать, а после войны приехать в Томск. Да кушай, Мишута, для тебя сама пекла. Стефанида поделилась со мной кухаркой, ей теперь без Антония-то дорого, вот её Луша то мне, то ей готовит. Но пироги у неё, Бог не даст соврать, никудашные. Мои вкуснее.

– Подтверждаю! – жуя, пробурчал Мишка.

– Стефаниде сообщили, что дом и земля принадлежали покойному Антонию Михайловичу по праву. Выходит, нужные документы в волостном правлении отыскиались, правда, Стефа не хочет почему-то жить в селе, может, ты поговоришь с Шурочкой – ей бы с детишками летом там пожить – разве не благодать?

Мишка вспомнил про Диева.

– Алексей Александрович к вам не навещался?

– А то как же, навещался третьего дня. Удивил меня.

– Удивил? – Мишка отложил на тарелку надкушенный пирог.

– Просил для него взять у тебя книгу... как его, забыла... ещё планета такая есть... память стала сильно подводить...

– Маркса?

– Его самого. Только просил на русском либо на французском. По-французски-то я, говорю, разберу, а немецкого вовсе не знаю.

– Тётушка Лебедушка. – Мишку просьба Диева встревожила: помнит муж сестры о статье Толстого и прочей запрещенной литературе, выходит, его затащило. – Скажи ему, ничего у Мишки такого нет.

– На демонстрации ты его не видал?

– Честно говоря, о нём не думал. Замужнюю теперь Зойку там видел. А его нет.

– Ты, Мишута, к Шурочке забеги, спроси про усадьбу. Дом тёплый, могла бы Шура и зимой с детьми там пожить, с ними бы играл внучек Стефы, сынок Никодима. Отдохнул бы наш Алёша Александрович, ведь заедает Шура его своим задиристым норовом. Церковь в селе старая, добрая, в честь Сошествия Святого Духа на Апостолов.

Диева дома не оказалось. И это удивило Мишку. Он бегло изложил сестре всё, что предлагала Олимпиада Акинфиевна. Жить в деревне зимой? Шурочка не обрадовалась предложенному, а рассердилась.

– Я что, нужна в качестве сторожа?! Сбрендили старухи! А Диева куда? Он же служит.

– Не он ли идёт? – спросил Мишка, услышав, что открывается входная дверь.

– А кому еще приходиться? Он.

Диев, несмотря на мороз, был бледен. Остановился посередине небольшой гостиной, освещённой зимним солнцем, потёр ледяные ладони, подул на пальцы и подал руку Мишке.

– Приветствую.

– Вы... – Мишка решил огорошить его сразу. – Зря просите Маркса, у меня нет. И вообще лучше бы вы забыли и про статью Толстого...

– Никак не могу. – Диев улыбнулся и через зрачки его прошли два световых луча. – Толстой меня, понимаете ли, Миша, окрылил. Жил я тихо, видел несправедливость, но сомневался: то ли я вижу, не лжёт ли мне моё зрение, и, коли не лжёт, что, могу я, титулярная букашка, о том рассказать? И есть ли смысл в моих словах, если я ничто не смогу изменить? А тут великан те же картины, что меня порой покоя лишали, увидел и всему российскому миру их показал, несправедливость вывел на свет божий: смотрите, люди и поднимайтесь над вашей униженностью. И я поднялся над моим жалким местом под солнцем, и смысл своей жизни узрел: справедливость достижима – а значит, стоит побороться за нее.

– Не тебе бороться, воробей, – усмехнулась Шурочка.

– Из таких, как я, воробьев состояла сегодняшняя демонстрация. Нас много. И мы вместе – сила.

– Вы присутствовали? – спросил Мишка, уже понимая: Диев на демонстрации был.

– Присутствовал.

– И что в городе сейчас?

– Город точно мёртв. Но это снаружи, а внутри клокочет подземный океан.

К полуночи, скрывая алые следы, пошёл снег.

– Снег всегда мне напоминает покров памяти, – задумчиво сказал поручик Бахеров. – Вот и сейчас: скроет всё, что мы с вами пережили сегодня.

– Я чувствую себя так, точно сам был ранен. – Ромашов глядел на поручика, но вряд ли его видел, весь обратившись в слух. – Докладывайте: что уже известно.

– Убит один из демонстрантов – студент Иосиф Кононов, нёсший знамя. Прискорбно, что случайной жертвой стал тринадцатилетний мальчик Елизаров Илья. Ранены 23 демонстранта, среди них учитель гимназии Попов и доктор Залманов...

– Вот она – русская интеллигенция, перевозносимая братом моей Лизы!

– Задержано сто семнадцать человек. Среди полиции тоже есть жертвы. Ранен городской, причем тяжело, врач не надеется, что он выживет, у городского – девять детей...

– Плохо.

Каждое слово, произнесённое поручиком, отдавалась больным звуком в сердце Ромашова. Он глянул в окно, и детские лица скорбно глянули на него из морозной мглы. Ромашову привиделось среди них знакомое по фотографиям лицо цесаревича Алексея.

– Вы тоже видите их, поручик?

– Не понял, о ком вы?

– Я? Продолжайте.

– В феврале прибывает в Томск статский советник и камергер Азанчевский-Азанчеев, он был харьковским губернатором.

– И что?

– Надеюсь, наведёт порядок.

– Порядка уже не будет, прибудь хоть сам...

Полковник поднялся с кресла, бросил взгляд в окно: лица исчезли.

– ...хоть сам Господь Бог. Озверевшая толпа распнёт его вторично. Затягивают Россию в чёрную воронку. Мы с вами, поручик, несмотря на скорбь, обязаны стать беспощадными к разжигателям смуты. Того требуют наша честь и наша любовь к Отечеству. Я слышал, вы уклонились от вступления в недавно возникший Русский кружок. Вступайте срочно! Мы все должны сейчас объединиться, спасая империю.

Глава пятнадцатая

Новый квартирант

Ноябрь 1905 года. Ново-Николаевск

По рекомендации партийного комитета к Обской группе присоединился Юзек Качинский, внук участника польского восстания 1863 года, сосланного в Томск. Планировалось ввести Юзека в боевую дружину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.